

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРУМ 2, ЛИЧНЫЕ СТРАНИЦЫ

ЧЛЕНОВ СОЮЗА СЛАВЯНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

OLGERDZHEMAITIS@YANDEX.RU

ЖЕМАЙТИС О.Ф.

ДЕВИЧКА

После увольнения из армии в запас в марте 1990 года с получением квартиры в Ново-Переделкино и переезда в Москву с семьёй из Самарканда наступил, пожалуй, самый счастливый период в моей жизни, которого я ждал долгих 27 лет службы вдали от столицы. Вернувшись, наконец, в город своего детства и юношества. К своим родственникам и друзьям. К своим «отеческим гробам», родным улицам и площадям.

И хоть любимая Москва, в которой я родился, вырос, женился, разводился, хоронил своих родителей, родственников и друзей уже мало походила на тот город, из которого я несмышлёным юнцом в 1963 году сразу после окончания средней школы уехал поступать в Коломенское артиллерийское училище. А поступив в него, видел любимую столицу только в ежегодные отпуска, отказываясь от всевозможных путёвок для поправки здоровья в различные санатории и дома отдыха. Это был мой город, несмотря на пустые прилавки магазинов, длинные очереди москвичей за самыми необходимыми товарами, многочисленные демонстрации и митинги жителей, доведённых до отчаяния и протестующих против коммунистического правления в стране. Вдыхая тот самый «дым отечества», который «сладок и приятен», иногда с чуть кисловато-сладким запахом от фабричных труб хамовного по большому количеству ткацких предприятий Девичьего поля. Который я полюбил со школьной скамьи и который будоражил моё мужское воображение, навевая воспоминания о рабочей практике на фабрике им. Свердлова и первых знакомствах с цеховыми девчатами-лимитчицами на танцах в фабричном клубе им. Свердлова или сквере Девичьего поля.

Я мог часами каждый день ходить по родным улицам, городскому центру, по Садовому кольцу, длиной в 15 километров, засекая время начала и конца движения по всей его окружности от одной из её точек. Одновременно следя за своей спортивной формой. Чтобы не дай Бог, моя ходьба не перевалила за отметку 3 часа ровно. Вдыхая при этом отнюдь не целебные порции угарного газа от проезжавших мимо многочисленных машин. Вспоминая один старый анекдот про горожанина, оказавшегося в швейцарских Альпах на отдыхе и страдавшего от чистоты воздуха. А когда у него спросили, почему он плохо себя здесь чувствует, он ответил, что дома привык вдыхать воздух с угарным газом. Наблюдая попутно на своём пути изменения в худшую или лучшую сторону за прошедшие годы, месяцы или даже недели. А заодно наслаждаясь

воспоминаниями, люблюсь возникающими на пути движения знакомыми домами, подъездами или дворами, с которыми в прошлом у меня были связаны те или иные события жизни. И первых свиданий с девчонками с нашими ещё обоюдно неумелыми поцелуями и детскими капризами. И первыми страданиями, успехами и неудачами.

Сегодня Москва, какой я её знал с рождения, благодаря её объёмности и величии, почти та же, что и раньше. И слава Богу, что за годы коммунистического правления строительный бум не прошёлся бульдозером по родным улицам и площадям. Сохранив в том числе ещё деревни 18-19 века даже в черте Москвы и многочисленные деревянные дома, исчезающие один за другим с каждым годом с карты столицы уже в наше время. В том числе и на Девичьем поле, названия улиц и переулков которого в основном сохранились до наших дней с 1917 года. Хотя разрушительные удары времени коснулись и многих каменных домов, имевших не столько архитектурную, сколько историческую ценность. Многие из них построенные ещё в 18-19 веках как временки, стены которых помнили знаменитых людей прошлых веков, тем не менее представляли из себя дранки, обмазанные цементом или глиной и чудом простоявшие не одно столетие, служа надёжным убежищем для клопов и тараканов. Эти стены не выдержали могучую поступь 21 века и вынуждены были уступить место кирпичу и бетону. Наши предки мало думали о будущем, очевидно, наслаждаясь днём сегодняшним. Отсюда и покосившиеся чёрные избы в деревнях, печное отопление в домах и колодезная вода вместо водопроводной. Как говорится, беда всем, кому достаются природные богатства страны «по щучьему велению». Я уже не говорю о дорогах, проложенных кое-как и наспех, а с учётом затрат на их ремонт ставших уже давно золотыми в прямом смысле этого слова. И о многочисленных сочных лугах Подмосковья, на которых до сих пор не пасутся тучные стада коров и овец. А растут, как на дрожжах, причудливые дома-замки «новых русских» с каменными бойницами, заборами, полосатыми шлагбаумами и невозмутимыми вооружёнными охранниками возле них.

Такова Москва, азиатская столица, с её итальянскими шатровыми башнями Кремля и золотыми куполами соборов, причудливыми сталинскими высотками, похожими на гигантские торты с клоунскими колпаками, разношёрстной толпой на широких улицах и площадях и спальными районами с однотипными домами на её окраинах. В которых мирно уживаются на одних лестничных площадках профессора и наркоманы, проститутки и священники, генералы и прапорщики, православные и католики, иудеи и мусульмане, трезвенники и алкоголики, прокуроры и воры, гастарбайтеры и предприниматели, азиаты и европейцы. Все те, кому посчастливилось получить законную московскую прописку с квадратными метрами жилья или довольствоваться съёмной квартирой, стоимостью в несколько средних зарплат жителя столицы за один месяц за одну маленькую комнатку. Я с женой Верой и сыном Янисом принадлежу к первой

категории москвичей и, по всей вероятности, мне предстоит прожить остаток своих дней без вредной для здоровья ностальгии в чужом краю, подкрепляя свою жизнь ежедневно энергетикой родной Москвы и воспоминаниями о прошлом. А это дорогого стоит, ибо укрепляет дух каждого, кто попутешествовал на своём веку и вернулся больным или немощным в конце жизни к целебным истокам всего своего земного бытия и могилам своих родных и близких.

В дни всех своих приездов в Москву в отпуск из отдалённых гарнизонов я уже на следующий день спешил к своему родному дому на Девичке, №18 переулка Хользунова. Недалеко от которого, на улице Еланского находится роддом (Дом матери и ребёнка), где я в 1944 году появился на свет.

Дом моего детства стоит того, чтобы рассказать о нём более подробно. Наверное, в памяти большинства людей дом детства занимает особое место, ибо пользуясь любовью окружающих до своего взросления, сохранив яркие воспоминания бесконечного счастья, с приятным осадком на душе всегда вспоминаешь о нём.

Не похожее по своему внешнему облику на другие московские дома,- с полукруглым фасадом, тремя длинными балконами и тяжело нависающим над ними амфитеатром,- он до сих пор хранит свои тайны и помнит «чёрные воронки» 30-х – 40-х годов у своего главного подъезда. Воздушные сирены 1941-го года, а вслед за ними немецкие бомбёжки. Похоронки и слёзы жильцов. А также их радостные лица в победном мае 1945-го и возвращающихся с фронта их мужей, отцов и всех встречающих.

Построенный в 1931 году под женские общеобразовательные курсы, дом этот в 1936 году был передан на баланс Народного комиссариата обороны и до 1964 года являлся жилым для семей преподавательского и слушательского составов Военной академии Генерального штаба. А посему он по праву занимает почётное третье место после Дома правительства (ул.

Серафимовича,2) и общежития Академии им.Фрунзе (проезд Девичьего поля,2; здание не сохранилось) по числу офицеров старшего и высшего состава, отправлявшихся из него на фронты Великой Отечественной войны для командования от дивизии и выше или на приравненные к этой армейской категории должности.

В разное время в нём жили такие будущие известные военачальники, как маршалы И.Х. Баграмян, П.А. Ротмистров и Л.А. Говоров. Генерал армии И.А. Плиев. Командовавшие в годы ВОВ армиями генерал-лейтенанты А.В. Сухомлин и Ф.П. Озеров. Первый комендант Вены генерал-лейтенант А.В. Благодатов. Бывший Начальник Академии Генштаба генерал-полковник Мордвинов (дом №18в). И многие другие офицеры, почти все прошедшие гражданскую войну, вооружённые конфликты и войны сталинского периода истории страны, а также многие через ГУЛАГ по надуманным обвинениям. Познавшие радость одержанных ими побед на фронтах, в почёте и славе переселявшиеся после войны в более престижные для их новых должностей квартиры. Но больше изведавших горечь поражений с последующими

жестокими той поры выводами и клеймом «несоответствия с занимаемой должностью». А то и вовсе сложившие свои головы в боях, как генерал-лейтенант Степан Иванович Любарский, (1896 – 1945), погибший в должности начальника штаба 3-й гв. Армии 4-го Украинского фронта в апреле 1945 г при штурме Берлина; генерал-майоры: Д.И. Аверкин, Г.Д. Стельмах (в 1941-42 гг начальник штаба Волховского фронта, помню его дочь Валю), А.В. Кукушкин, Д.Д. Калашников, Н.А. Оганесян, М.А. Усенко. Подполковник И.Д. Беценко. И другие.

Жили в этом доме Герои Советского Союза полковники: П.А. Плотников (дважды Герой) и П.Д. Климов.

Жили и будущие враги Советского Союза, ставшие ими в силу обстоятельств, находясь в плену. А возможно по убеждению, являясь с 1942 по 1945 годы первыми помощниками генерал-лейтенанта А.А. Власова по отстаиванию российских интересов среди немецкого командования Вермахта и формированию Русской освободительной армии из числа военнопленных. Я имею в виду генерал-лейтенанта Ф.И. Трухина и генерал-майора В.Ф. Малышкина. Казнённых в 1946 году в Бутырской тюрьме Москвы как изменники родины вместе с Власовым и другими его товарищами, сделавшими ставку на сотрудничество с немцами по принципу «хоть с чёртом, но против большевиков».

Со слов моего друга и соседа по дому №18 полковника Беценко, он как-то в беседе с генералом Благодатовым узнал, что и генерал Власов был какое-то время жильцом дома №18. Очень даже может быть, ибо наш дом служил пристанищем для всех обучавшихся в Академии Генштаба либо в качестве временного общежития, либо в качестве постоянного жилища. И если будущий Командующий РОА когда-нибудь до войны находился в Москве на учёбе или в командировке, то не мог миновать эту жилую обитель.

Жили в этом доме и те, кто не поддавался гитлеровской пропаганде, отказавшись от какого бы то ни было сотрудничества с немцами в плену и поплатившиеся за это своими жизнями. Это генерал-майор А.Д. Кулешов, полковник Д.Ф. Цумарев и сын генерал-лейтенанта Ф.П. Озерова, Владимир Озеров, оказавшийся в плену под Курском.

Несколько слов о полковнике Цумареве, сын Эдуард который одно время занимался поисками сведений о своём отце, приведшие его в швейцарский «Красный крест», ибо документы по лагерю Маутхаузену, находившиеся в Австрии, после войны были переданы в Швейцарию. И вот что он узнал. Полковник Цумарев Данила Фёдорович (по другим данным Теодорович) участвовал в Финской кампании и одно время исполнял обязанности командира корпуса, ибо предшественника вызвали в Москву и репрессировали. Вместе с ним проходил службу и будущей соратник генерала Власова полковник Меандров М.А.

В 1941 году под Киевом Цумарев в должности зам Командующего 21-й армией выходил из окружения с будущим маршалом Баграмяном и попал в плен. 25 сентября 1944 года с группой в 100 офицеров был казнён в лагере

смерти Маутхаузене. Незадолго до гибели в бараке, где он содержался с другими советскими военнопленными, их навестила группа власовцев во главе с Меандровым. Подойдя к Цумареву он сказал: «А этого полковника я знаю». Цумарев в ответ: «Да, пошёл ты...». Все заключённые барака засвистели, заулюкали и власовской делегации пришлось ретироваться ни с чем. Никто из военнопленных за этот случай немцами не был наказан. Жил в доме и Начальник Академии Генштаба Кучинский. Расстрелянный в конце 30-х годов как «враг народа».

Просмотрев массу литературы по москвоведению, ознакомившись с доступными для изучения архивными документами, я обратил внимание на своего рода зону умолчания вокруг дома, когда о всех окружающих его зданиях известно всё или почти всё с соответствующими их статусу охранными грамотами как памятниками истории и архитектуры. А об этом доме, в том числе о всех его дореволюционных постройках – ничего. Это белое пятно в истории объясняется, по-видимому, принадлежностью его к Министерству обороны, которое, как известно, умеет хранить свои тайны, даже если эти тайны не являются таковыми за давностью лет. Не исключено, что отчасти из-за того, что в доме жило слишком много «врагов народа», в том числе и из ближнего окружения генерала Власова. В настоящее время в нём расположена авиационная часть, что, возможно, является благом, т.к. находясь в ведении военного ведомства, он пока недоступен разрушительному буму, прокатывающемуся в наши дни по всей Девичке ради строительства современных зданий с сиюминутной выгодой покупателей и продавцов земель в престижном районе столицы.

Совершая экскурс в прошлое двух кварталов в треугольнике между улицей Россолимо (до 1961 года – Божениновский переулок) и переулка Хользунова (до 1939 года – Трубецкой переулок по имени семьи Трубецких в начале 19 века на месте в бытность мою Сада юных натуралистов); нужно отметить, что в конце 19 века здесь находились земли, в том числе и пустопорожние, площадью в 1004 кв. сажень. Принадлежавшие вдове тайного советника Серафиме Владимировне Давыдовой. На которых до революции было построено каменное 3-этажное здание (дом №18в, в настоящее время дом №16) с находившимися в нём сдаваемыми квартирами. А на 3-ем этаже находились помещения для выздоравливаемых больных из клиники Жадовской и квартиры самой Жадовской. (ЦИАМ, ф.179, оп.62, дело 16672; ф.179, оп.63, дело 16604). Во дворе дома со стороны улицы Россолимо до сих пор стоит двухэтажный дом с одноэтажной пристройкой. Квартиры которого до революции также сдавались в наём. В настоящее время этот двухэтажный дом тоже принадлежит авиационной части. А в 50-е – 60-е годы в нём жили семьи слушателей академии и рабочих, обслуживавших дом. В том числе и семья знаменитого у детворы дома №18 дворника Ванякина, с сыновьями которого я во дворе дома играл в разные детские игры. Сам же дворник был знаменит не только тем, что нещадно гонял нас, мальчишек, по подведомственной ему

территории, за чистоту которой он нёс ответственность. Но и тем, что наравне с семьями генералов ещё в самом начале 50-х годов приобрёл для своей квартиры самый первый телевизор и самый первый холодильник. Отчего заслужил прозвище «богатея» даже у генеральских сынков, для которых все эти предметы домашней обстановки давно уже не являлись диковинкой.

Также в том дворе долго простоял ещё один каменный домик с деревянным забором, в котором до революции располагалась дворницкая. Этот домик, использовавшийся в наше время под склад, простоял вместе с забором до середины 60-х годов.

После революции до конца 20-х годов облик кварталов в перекрёстке переулка и улицы почти не менялся. Но в 1931 году, очевидно, по инициативе вдовы Ленина Крупской Н.К., возводится дом №18 под женские курсы, который в соседстве со всеми дореволюционными постройками удачно вписался в облик переулка и улицы. А с окончанием строительства в 1932 и 1938 годах корпусов 2-го Приборостроительного завода (тогда почтового ящика), включившего в себя одно строение 1908 года (ответ из МосгорБТИ, №1262/564 от 18.05.2002) окончательно меняется облик двух кварталов, дошедших без изменений до наших дней. Стык улицы Россолимо и переулка Хользунова, который венчает дом №18, чем-то напоминает по своему внешнему виду фантастическое животное, похожее на сфинкса или демона, с крыльями на взлёте и множеством глаз-окон на голове-фасаде и массивным тяжёлым лбом-амфитеатром, украшенном тиарой. Так и кажется, что это чудище вот-вот тяжело взлетит и упорхнёт в другие неведомые края, унеся с собой тайны всех добрых и злых дел подвластных ему когда-то и обитавших в доме людских душ, чтобы сохранить их для страшного суда.

Вот в этом доме с 1946 года мы и проживали всей семьёй: отец, мама, два брата, а позднее, уже после смерти отца, и сын сестры. До этого наша семья ютилась в общежитии Академии им. Фрунзе в проезде Девичьего поля, 2 в маленькой двухкомнатной квартирке №11. А после переезда в новом доме нам уже принадлежали 4 комнаты, общей площадью около 100 квадратных метров, и весь верхний балкон дома, по которому я в детстве свободно катался на трёхколёсном детском велосипеде.

По своему внутреннему устройству дом представлял из себя типичную коммуналку той поры с клопами, тараканами, примусами до начала 50-х годов, общими кухнями, а для части квартир и с общими туалетами.

Нашими соседями по правому крылу 4-го этажа (если смотреть в сторону Б.Пироговской ул.) являлись семьи генералов А.В. Сухомлина и В.Я. Бейлина, с сыновьями которых я до сих пор поддерживаю дружеские отношения. В квартире Сухомлиных в 50-х годах жил Директор НИИ стоматологии Анатолий Иванович Рыбаков, женатый на дочери генерала, Раисе Александровне. В этом же крыле жила семья генерал-лейтенанта

Скоробогаткина и вдова погибшего на фронте генерал-майора Аверкина, Елена Исаевна со своим сыном Володей. А до войны ещё и семья в будущем власовца, генерал-майора Малышкина, после выселения которой, в этой квартире возле кухни поселилась семья Суязовых. В левом крыле жили семьи генералов Кукушкина, Благодатова, полковников Лебедева, Антонова и Аверина, подполковника Беценко, а также Елены Гавриловны Смирновой с племянником Женей (сотрудником КГБ), генерал-майора Оганесяна (помню только вдову генерала Асю Сергеевну), полковника, впоследствии генерал-майора, Плотникова. А также семья испанских эмигрантов-коммунистов Ангерольд-Сиутак. Хорошо помню их двух девочек, Марисоль и Амайю, уехавшую в Испанию. И др. Под нами в точно такой же полукруглой с балконом квартире жила семья генерал-майора Грязнова А.С., который в тяжёлом для столицы 1941 году, командуя 7-й гвардейской стрелковой дивизией, отличился с бойцами дивизии в боях с немцами в районе Шелепаново, Овсянниково, Ложки, Гончары на Ленинградском шоссе. Этажом выше жили семьи генералов: Готовцева, Символокова, Вейкина, Старичкова, Панкова. Контр-адмирала Холодова и др.

На 3-ем этаже жила семья испанских эмигрантов по фамилии Галан. Дружил с их сыном Фермином, который был старше меня на 5 лет. Его мать звали Марией, а имя отца не помню. Фермин после школы закончил Медицинский институт, и вся их семья где-то в 60-х годах по приглашению кубинского лидера Фиделя Кастро переехала на Кубу. Поселили их на вилле, и слышал, что отцу Фермина Фидель за революционные заслуги присвоил звание генерала Кубинской армии. Интересно, что брат отца Фермина, т.е. дядя моего друга, в 30-е годы служил при дворе испанского монарха капитаном королевской гвардии. За поднятый при дворе мятеж был расстрелян.

Все жильцы дома в количестве где-то 300-350 человек представляли единый, дружный коллектив, ибо общаться приходилось друг с другом фактически ежедневно – дом имел коридорную систему с двумя широкими лестницами внутри, поэтому неудивительно, что все друг друга знали в лицо. И ни одно событие из жизни дома не могло пройти мимо ушей женщин, общавшихся между собой либо на кухне, либо в продмаге во дворе дома, либо на общих собраниях жильцов или при разборе чьего-нибудь персонального дела за поведение кого-либо из жильцов, выходящее за рамки «правил советского общежития». А также на частых похоронах в основном мужчин, измученных долгой службой в армии и бесконечными войнами, на которых приходилось больше опасаться выстрела в затылок в подвалах Лубянки за невыполненный приказ сверху, чем в грудь и лоб в открытом бою с противником.

Нам, мальчишкам той поры, было где поиграть и похулиганить. Всех нас переполняла энергия, которой мы искали применение, и широкие коридоры с не менее широкими лестничными пролётами позволяли носиться по дому, не чувствуя ног. Вызывая тем самым недовольство, а иногда и справедливое возмущение жильцов. Объектами нашего любопытства часто

становились чердак, если дверь в него по чьей-то забывчивости не была закрыта на замок, с его многочисленными лабиринтами и выходами на крышу. А также котельная во дворе, которая по одной из версий в военном 1941 году являлась бомбоубежищем для жильцов дома. По другой - для этой цели служил подвал двухэтажного дома во дворе дореволюционной постройки. Ходили слухи, что он был соединён подземным переходом с бомбоубежищем Академии им. Фрунзе, вентиляционный ствол которого венчал фонтан сквера Девичьего поля.

Посещали дом гости под стать его жильцам. Немые свидетели-стены видели известных военачальников, видных деятелей

Коммунистической партии и государства, артистов и режиссёров. Маршал Жуков в 1958 году, будучи в очередной опале у властей, навестил Сухомлиных, после чего у Александра Васильевича на службе в Академии Генштаба, в которой он возглавлял кафедру, возникли неприятности с определёнными последствиями для всей его карьеры.

Когда Жуков у Сухомлиных узнал от моей сестры, приглашённой тоже в гости, что рядом живёт моя мама, похоронившая год назад своего супруга, с которым они служили оба в Инспекции кавалерии в 1931 году, то сразу изъявил желание встретиться с ней хоть на пару минут. Слово взял хозяин дома Александр Васильевич: «Вы к кому пришли в гости, к Сухомлиным или к Жемайтисам?». Вопрос был закрыт моментально.

К Сухомлиным в гости приходил также в 50-е года советский граф, генерал-лейтенант Игнатъев, автор книги «50 лет в строю».

Знаменитая «Пассионария», испанская революционерка Долорес Ибаррури как-то в те же годы навестила в доме своих соратников-эмигрантов из Испании. Все эти визиты высокопоставленных советских особ не проходили незамеченными для жильцов ещё и по той причине, что на первом этаже находился пост вахтёров, которые довольно щепетильно проверяли всех посещающих дом гостей и фамилии всех визитёров заносились в особую тетрадь. Чтобы потом служить довольно долгое время темой для разговоров.

Жильцы по своему национальному составу представляли довольно пёструю смесь, что напоминало Вавилон в миниатюре в окружении других людских «муравейников», но уже в основном с однородной людской массой, состоявшей преимущественно из русских.

Жило много семей офицеров-евреев, многие сыновья которых также носились с нами по этажам, как угорелые. Даже несмотря на то, что все их бабки и мамки, по-еврейски щепетильные в вопросах воспитания и вредные для детворы, всеми способами пытались уберечь своих чад от дурного влияния ребятни дома и прилегающих к нему улиц.

Не являлась исключением по части гостеприимства и наша семья. У нас в 410-й квартире в гостях перебивали первые руководители Литвы: А.Ю. Снечук, Ю.И. Палецкис, М.Ю. Шумаускас и др. И такие известные в стране военачальники, как: маршал П.А. Ротмистров, генералы армии И.В. Тюленев и С.Г. Поплавский, генерал-полковники А.И. Родимцев и Н.М.

Хлебников. Товарищи отца по службе в кавалерии генерал-лейтенанты П.П. Собенников и Н.С. Осликовский; генерал-майор В.А. Ревякин и генерал-лейтенант А.В. Владимирский, муж моей двоюродной сестры Ольги, фронтовик генерал-майор А.В. Мозгунов; друг первого мужа моей мамы, котовца Тукса А.М., генерал-майор С.М. Козырев. И многие другие известные и не очень известные военачальники.

Надо здесь пояснить, что мой отец в своё время был довольно знаменит в Литве по гражданской войне в ней как руководитель вооружённого восстания в Шяуляе в конце 1918 – начале 1919 годов против немецких оккупантов. Когда впервые в этом городе была установлена Советская власть, и восставшие в течение 3-х месяцев удерживали город в своих руках, отбивая многочисленные попытки немцев вернуть его под свой контроль. В 1940 году с присоединением всей Прибалтики к Советскому Союзу он был назначен на должность Командующего Литовской народной армией. В 1942-43 гг сформировал и командовал на Брянском фронте 16-й Литовской стрелковой дивизией.

В Советской Армии он был известен как участник гражданской войны с февраля 1918 по декабрь 1919 году в должности командира полка и начальника штаба дивизии под непосредственным руководством у таких знаменитых полководцев, как: М.А. Муравьёв, М.Ф. Блинов, Ф.К. Миронов, К.Е. Ворошилов, С.М. Будённый, Т.С. Хвесин, В.И. Киквидзе, И.Р. Апанасенко и др. В 1-й Конной армии с 1922 по 1923 гг он 7 месяцев возглавлял её оперативный отдел штаба. Затем несколько лет с перерывами служил в Инспекции кавалерии у Будённого в должности его помощника. (См журнал «Вопросы истории» №4 за 2003 г).

Другом отца и семьи, без которого у нас не проходила ни одна вечеринка, ни один выезд отца на рыбалку или охоту, являлся жилец дома №18в генерал-майор Грецов М.Д. Когда они оба с моим отцом ещё работали в Высшей военной академии им. Ворошилова, то выезжали на машине отца, сначала на трофейном «плимуте», а потом «опель-адмирале» голубого цвета (за что мы все её прозвали «голубой блохой») с ярко-красными кожаными сиденьями и с откидным брезентовым верхом, под водительством друга нашей семьи, с которым я до сих пор поддерживаю связь, Генрихом Константиновичем Бернатовичюсом из литовского Каунаса. У которого мать была полячкой, отец белорусом, а сам он значился по паспорту литовцем и которого отец знал ещё с 1945 года. В 2005 году он отметил своё 80-летие и находится до сих пор в довольно хорошей форме. Эту трофейную «голубую блоху» отцу подарил друг нашей семьи, знаменитый герой Сталинграда, в то время генерал-лейтенант Родимцев А.И. Ходили слухи, что эта машина принадлежала самому фельдмаршалу Паулюсу. Когда мы выезжали на дачу, все прохожие и водители машин провожали нас долгим взглядом, ибо она являлась единственной не только в Москве, а и в стране в целом. А один водитель на переезде так засмотрелся на неё, что врезался в шлагбаум. В

1956 году отец продал этот раритет всего за 3000 дореформенных рублей, что составляло где-то три средние зарплаты квалифицированного рабочего.

Несколько слов о человеке, полководце, которого знает вся наша страна. И о котором очень скупой на хвалебные слова в чей-либо адрес сам Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков сказал примерно следующее: «Если б не 13-я дивизия Родимцева, высадившаяся на правый берег Волги в самый критический момент обороны Сталинграда, и удерживающая длительное время небольшой плацдарм под шквальным артиллерийским и миномётным огнём противника, нам бы Сталинград не удержать».

Отец познакомился с Александром Ильичом в бытность его в должности Начальника курсов усовершенствования высшего командного состава Красной Армии при Академии Генштаба в конце 40-х годов. Многие торжества в нашем доме проходили при участии этого прославленного полководца с двумя звёздами Героя Советского Союза на кителе, его супруги Екатерины Осиповны и их дочерей Ирины и Натальи.

Сам Александр Ильич запомнился мне как очень простой и весёлый собеседник, о котором я потом узнал, что был он очень трудолюбив и никому из своих подчинённых не сделал зла и самыми ругательными словами которого в оценке деятельности того или иного подчинённого ему по службе офицера были: «Шайтан тебя подери» или «Жуткая картина».

Самым первым эпизодом, связанным с памятью об Александре Ильиче, был первомайский праздник где-то в начале 50-х годов. Отец с А.И., мной и ещё с кем-то проводили свой выходной в ЦПКиО им.Горького. Мне они покупают воздушный шар, я не могу его надуть. Тогда в этом деле мне помогает А.И. Шар разлетается на куски, я до слёз расстроен, но мне тут же покупают новый, надувают его, и я успокаиваюсь.

На одном из застолий у нас дома по телевизору показывали художественный фильм «Сталинградская битва» 1949 года выпуска и мне было непривычно смотреть своими детскими глазами сразу на двух Родимцевых,- экранного и реального выпивающего за столом с моим отцом.

Иногда в ожидании застолья мы с ним играли в шахматы и, когда он проигрывал, то часто от него можно было услышать: «Шайтан тебя подери!» После окончания средней школы, когда не было уже в живых отца, я захотел продолжить семейные традиции и с этой целью решил поступать в Коломенское артиллерийское училище, о котором в ту пору был много наслышан, ибо это училище заканчивали многие мои сверстники - жильцы по дому №18. Московскую медицинскую комиссию я не прошёл из-за моей близорукости: надо было иметь минимальную остроту зрения по таблице 0,5 на оба глаза, а у меня оказалось 0,3. Я тогда письменно обратился за помощью к А.И., занимавшему в то время пост заместителя Командующего Киевского военного округа, который тут же откликнулся на мою просьбу и очень быстро решил сей вопрос письмом к начальнику этого училища генерал-майору Голикову Андрею Алексеевичу. Я до сих пор храню в своём

домашнем архиве письмо А.И. мне в ответ на моё обращение и каким-то образом оказавшееся у меня письмо генералу Голикову. С такой рекомендацией в то время запросто можно было поступать не только в среднее военное училище, а сразу в академию. Но я сделал свой выбор и нисколько не жалею о нём.

После поступления в это училище я долго получал письма и поздравительные открытки от этого прославленного полководца к удивлению всех своих друзей – курсантов.

После окончания училища в 1966 году в своих ежегодных отпусках я несколько раз встречался с А.И. и Екатериной Осиповной. Где-то в году 70-ом, приехав в Москву из Чехословакии, я навестил А.И. в его доме на Ленинском проспекте. Он обрадовался моему приходу, тут же угостил коньяком и стал ругать, что я до сих пор только командир взвода, в то время как мои сверстники командуют уже ротами и батальонами.

В 1977 году А.И. не стало. Пусть земля ему будет пухом!

Часто можно было видеть у нас дома семью генерала армии Поплавского (в годы ВОВ в разное время он командовал 2-й и 1-й армиями Войска Польского), самого Станислава Гиляровича с женой Майей Болеславовной и их дочерью Изой, которая в 1953 году стала женой моего брата Станислава, в то время старшего лейтенанта. Поплавский, поляк по национальности, им обоими устроил свадебное путешествие в Варшаву. В 1957 году они развелись из-за несоответствия характеров.

С Изой я до сих пор поддерживаю дружеские отношения, и мы иногда перезваниваемся по телефону, вместе хоронили мою сестру Эльвину в 2005 году. Она теперь имеет дочь Наталью, известную в Москве поэтессу, и внуку Станиславу, ибо после развода с братом Иза вышла замуж за будущего полковника Рожкова. В 1991 году овдовела. А пятью месяцами раньше умерла её мать Майя Болеславовна. В 1973 году скончался сам Поплавский.

Иногда приезжал к нам и останавливался на короткое время мой крёстный генерал-лейтенант Кривенко Михаил Спиридонович. В 1945 – 47 годах он возглавлял Главное управление по делам военнопленных и интернированных при НКВД СССР. Но по каким-то причинам был понижен в должности и был переведён в Свердловск, а затем в Волгоград. С его дочерью Татьяной, живущей с мужем Виктором в Волгограде, я тоже в дружеских отношениях и мы не забываем друг друга. Иногда встречаемся в Москве, куда она наведывается к своей дочери Ксении, недавно вышедшей замуж и осевшей в столице.

Молодой тогда, но уже довольно известный артист Юрий Никулин бывал у нас в гостях. Потом по его приглашению мы с сестрой несколько раз ходили в старый цирк на Цветном бульваре на представления с участием Юрия Владимировича и Шуйдина. Были в восторге от их выступлений. И имели честь сказать об этом им обоим лично.

Как-то Никулин увидел у меня в руках брошюру китайского издания на русском языке под названием «Наши разногласия с Пальмиро Тольятти». Дело в том, что в конце 50-х – начале 60-х годов резко ухудшились отношения между СССР и КНР. И я с товарищами ради любопытства спрашивал у прохожих с узким разрезом глаз подпольную литературу. Ибо вся официальная советская пропаганда о разногласиях между двумя великими державами сначала не говорила ни слова, а потом обрушилась резкой критикой в адрес руководства КНР. И очень хотелось знать мнение противоположной стороны. Иногда удача улыбалась нам. Какой-нибудь невзрачный и низкорослый китаец тут же доставал из портфеля литературу и бесплатно передавал нам её в руки. Так я познакомился с рядом критических статей китайских товарищей, направленных, как тогда говорилось, против социал-ревизионизма руководителей Советского Союза. В которых, опираясь на марксизм-ленинизм, довольно убедительно давалась оценка современному империализму, и предлагались методы борьбы с этим «бумажным тигром», имея при этом поддержку рабочего класса капиталистических стран, всех угнетённых народов планеты, самую передовую экономику, идеологию и философию в мире, и ядерное оружие в руках в придачу. А самой первой работой, с которой я познакомился, была «Открытое письмо ЦК КПК ЦК КПСС», которую даже опубликовали в советской печати, но с разгромной уже советской статьёй с критикой всех положений этой брошюры. И Юрий Владимирович заинтересовался разногласиями китайцев с итальянскими коммунистами. Я тут же подарил ему брошюру, ибо знал, что каждому мыслящему человеку мало знать мнение лишь одной стороны. Надо выслушать и противоположную точку зрения, чтобы выработать в споре свой взгляд на тему дискуссии. Смеху подобно, когда мы все дружно по подсказке руководства страны, а по сути одного только Хрущёва, на заводах и фабриках дружно «клеями позором» роман «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, ни секунды не держа его даже в руках. Тем более, когда в Москве во всю мощь работали глушилки, забивая все западные радиоголоса на русском языке, и иезуитствовала цензура. Между тем, китайские радиопередачи почему-то не заглушались, и слушать их было довольно забавно лишь потому, что все они с восточной искренностью, пиететом и множество раз за передачу восхваляли «великого кормчего», то бишь их Председателя Мао, называя его в том числе и «солнцем, вокруг которого вращаются все люди планеты» и «при котором во всех близких и дальних уголках Китая раздаются песни о счастье с пожеланиями ему долгих лет жизни». Что не вязалось с довольно убедительными марксистскими выводами в их статьях на фоне пропаганды такого оголтелого культа личности. Наверное, и в Москве китайские дипломаты потому и распространяли свою литературу, что были уверены в москвичах, которые, как и все народы мира, как они думали, «вращаются вокруг их солнцеподобного гениальнейшего кормчего, вождя и полководца всех времён и народов Председателя Мао».

Знаменитого спортивного комментатора Николая Николаевича Озерова и его брата, известного кинорежиссёра Юрия Николаевича Озерова можно было увидеть у нас дома. С Юрием Николаевичем мы породнились. От него и моей сестры Эльвины в декабре 1958 году появился на свет мой племянник Коля Озеров.

Входили в круг наших друзей также известная в столице чтица Москонцерта Мария Викторовна Боярская (настоящая фамилия Аничкова) с мужем капитаном 2-го ранга Александром Никитовичем. А также дочь расстрелянного в 1940 году замдиректора издательства «Правды» Финкельштейна Бориса Анатольевича, Зоя Борисовна. С ней я до сих пор поддерживаю дружеские отношения.

Дружеские отношения у меня сохранились и с вдовой знаменитого советского живописца и графика Дейнеки А.А., которого ещё при жизни называли «Маяковским в живописи», Еленой Павловной Дейнекой. Она и её супруг Олег Кириллович Гусев, главный редактор журнала «Охота и рыболовство», специалист №1 в стране по озеру Байкалу, всегда очень радушно принимают меня на своей даче в Переделкине. Эльвина с Зоей Борисовной и Елена Павловной дружили со школьной скамьи.

О всех тех наших застольях очень хорошо, на мой взгляд, сказал друг моего отца Михаил Дмитриевич Грецов, тот самый «офицер-строитель» из плеяды советских военных полководцев Великой Отечественной войны, которые долгие военные годы по кирпичику строили Победу мая 1945 – го года. Изучив его биографию по документам из РГАСПИ, я понял, какой уникальной и интересной биографией он обладает, что нашло своё отражение в воспоминаниях знаменитого генерал-полковника Белова П.А., командовавшего в самые тяжёлые месяцы для столицы в 1941 году под Москвой кавалерийским корпусом. Михаил Дмитриевич служил у него начальником штаба. В 1942 году он одно время исполнял должность начальника штаба 43 армии. А затем целых полгода в самые трудные для Сталинграда дни являлся заместителем начальника штаба 2 гвардейской армии, воевавшей против группировки Паулюса. Мне здесь хочется привести одно стихотворение Михаила Дмитриевича, написанное 5 декабря 1967 года специально к дням рождения моей сестры Эльвины и её сына Коли, разнящимся всего на три дня.

Всего лишь год прошёл с тех пор,
Как мы здесь мило заседали.
Под рюмок звон, под милый вздор
Эльвину с Колей поздравляли.

Всё та ж улыбка у Эльвины
Всё те же прелести у ней,
Всё тот же взгляд её невинный
И ум без хитрости затей.

И Коля вырос на вершок
 И он в учёбе год свой прожил
 И верно английский стишок
 Для нас, гостей, он приготовил

И гран-маман мила, как прежде,
 Корабль семейный свой ведёт
 К ней каждый гость идёт с надеждой,
 Как он поест и как попьёт.

За что мы любим всё семейство?
 За то, что здесь без лицедейства
 Проста, открыта, хороша,
 Царит здесь русская душа.

Здесь смесь причудливых явлений,
 Здесь русский дух, французский тон -
 След дружбы двух сестёр Евгений
 И по-шотландски Джоя хриплый стон.

Здесь дружбы вид оригинальный,
 Здесь слиты все в одну семью,
 Здесь все – интернациональны,
 Здесь все по-русски дружно пьют

Донских степей, рязанских пашен.
 Каких здесь не было племён!
 Вокруг стола за дружной чашей
 Каких здесь не было имён?

Герой Родимцев, папа - Юра
 И Стасик... все здесь крепко пили,
 И я сидел, и не был хмурым
 С соседкой – дочкой Израиля.

И так ещё мы будем часто
 Сюда ходить и поздравлять,
 Пока хозяйка скажет: «Баста!
 Пора бы, гости, честь познать!»

Здесь нужно пояснить, что «гран-маман» - это моя мама, Эльвина – моя сестра, а Коля её и Юрия Николаевича Озерова сын. Джой – наша собака, шотландская овчарка. «Дочка Израиля» - это подруга Эльвины, Зоя

Борисовна Финкельштейн; Родимцевы, Александр Ильич и его жена Екатерина Осиповна – наши друзья.

В августе 1961 или 62 года мы с мамой по приглашению Первого секретаря ЦК компартии Литвы Снечкуса А.Ю. отдыхали в Паланге. А когда на Белорусском вокзале Москвы сели в купе, то через какое-то время увидели вошедшего к нам мужчину средних лет в роговых очках с толстыми линзами, с чемоданом в руке и в сопровождении молодой красивой брюнетки. Поздоровавшись с нами, он тут же вышел к провожавшим его на перроне людям. Вскоре он зашёл в купе один, поезд тронулся и в ходе многочасовой поездки до места отдыха (ехали целые сутки) узнали, что он Казакевич Эммануил Генрихович, тоже едет на отдых в Палангу дикарём и провожавшие его на перроне люди - его родственники и друзья. Мне эта фамилия ничего не говорила, да и маме, наверное, тоже. Но когда мы узнали, что он писатель и является автором таких произведений, как: «Весна на Одере», сценария к фильму «Звезда» и др.,- мы поняли с кем нам предстоит общение в пути. Я тут же вспомнил книгу из своей библиотеки «Весна на Одере», доставшуюся мне после смерти моего брата Фели. Правда, я её не читал, о чём тут же очень пожалел, но всё же ответил ему утвердительно, что знаком с этим произведением. Ну, а что касается фильма «Звезда» 1953 года выпуска на экраны с Меркурьевым и Крючковым в главных ролях, то тут уже было намного легче, ибо для всех мальчишек моего возраста это был любимый фильм, который я смотрел несколько раз, восхищаясь подвигом разведчиков в тылу врага во время Великой Отечественной войны. Эммануил Генрихович оказался очень приятным собеседником и от него в то ещё далёкое время я узнал про многие наши исторические тайны, утаиваемые властями страны для вообще какого-либо освещения в прессе или в документальных кинофильмах. Узнал про убийство Троцкого в Мексике, про большие людские потери Красной Армии особенно в начальный период ВОВ (во время войны Э.Г. служил полковником в разведке), про богемную жизнь советских писателей и др. Мне было очень приятно, что такой маститый писатель разговаривает со мной, 17-летним юнцом, на равных. Не перебивая меня и прислушиваясь к моему мнению. Оказалось, что он много слышал и про моего отца. Очевидно только потому, что отец в годы ВОВ командовал 16-й Литовской стрелковой дивизией, которая на одну треть состояла из евреев и которая понесла большие потери в первом же бою на Брянском фронте в 1943 году.

Иногда я был свидетелем, как он в проходе у окна пел песни на непонятном мне языке, и вскоре я догадался, что он их пел то ли на идиш, то ли на иврите. Перед расставанием он мне на клочке бумаги написал список рассказов его сочинений, которые порекомендовал для чтения. Жалею, что не сохранил этот листок, на котором его рукой были написаны названия: «Синяя тетрадь», «При свете дня», «Сердце друга», «Двое в степи» и ещё что-то. По приезде в санаторий я вскоре в библиотеке нашёл рекомендованную литературу. Удивился, что он в «Синей тетради» довольно

смело показал образ Ленина, жившего в Разливе в шалаше, да ещё с Зиновьевым,- факт доселе умалчивавшийся всеми советскими историками,- и привёл даже несколько ходивших в 1917 году анекдотов про вождя. А в рассказе «При свете дня» мне понравился образ безрукого фронтовика-солдата, навестившего в Москве вдову убитого на фронте его командира, чтобы рассказать, как погиб её муж и какой он был добрый, честный и храбрый офицер. А в доме вдовы встретил женщину, нашедшую давно своё счастье с другим мужчиной и забывшую уже своего близкого человека. И по рассказам этого солдата перед ней предстал новый образ её погибшего супруга, такой, каким она его не могла даже себе представить. Что вызвало в её душе бурю переживаний и воспоминаний о нём. Да так, что она забыла даже угостить гостя чаем. Мастерски показанная сцена очень похожа на такую же сцену из кинофильма «Баллада о солдате» Григория Чухрая. Этот рассказ, как и «Весна на Одере», был где-то в 70-х годах даже экранизирован и, по-моему, артист Андрей Мягков играл в этом фильме главную роль. Много позже я узнал, что Э. Г. в тяжёлые для моего любимого писателя Михаила Зощенко годы, годы опалы. Когда он, исключённый из Союза писателей, вынужден был зарабатывать на жизнь, работая простым сапожником, поддержал великого юмориста и прозаика письменным обращением к Сталину вместе с Корнеем Чуковским, Всеволодом Ивановым и другими писателями. И в результате Михаил Зощенко был повторно принят в Союз.

В самой Паланге я также часто встречался с Э.Г. на пляже. Он всегда был с какой-то молодой женщиной под руку. Часто он сам меня окликал и когда я ему сказал, что прочёл почти все его рекомендованные рассказы, мне запомнилась его открытая, по-детски простодушная улыбка удовлетворения на лице. Во время беседы обещал навестить нас с мамой в правительственном особняке на улице Гедеминаса, где мы остановились на отдыхе. Но так и не навестил. По приезде в Москву вскоре прочитал в некрологе, что Казакевич Эммануил Генрихович в возрасте 49 лет умер. От подружки сестры, Зои Финкельштейн, знакомой со многими московскими писателями, узнал, что из-за онкологии. А спустя ещё время увидел на Новодевичьем кладбище могилу с венками и цветами, и с портретом в траурной рамке со знакомыми чертами лица в роговых очках с массивными линзами. Было очень жаль!

К концу 1941 года, в связи с резким ухудшением обстановки на фронте под Москвой, из столицы были эвакуированы правительственные учреждения, вывезено было оборудование многих заводов и фабрик. Моя тётя Женя Калабина (в то время по первому мужу Музыка), работавшая в академии им. Фрунзе, переезжает в Азатбаш (недалеко от Чирчика и Ташкента). А мама с Эльвиной и маленьким Фелей под Уфу, где они прожили несколько месяцев в соседстве с семьями генералов В.Ф. Малышкина и Е.А. Шиловского. Оба генерала до войны работали в Академии Генштаба. Малышкин – преподавателем, а Шиловский –

начальником кафедры. У мамы с сестрой сложились тогда хорошие, добрососедские отношения с дочерью писателя А.Н. Толстого Марианной, являвшейся супругой генерал-лейтенанта Шиловского. Вместе они копали картошку, вместе отоваривали продовольственные карточки, стоя подолгу в очередях за самым необходимым. Жаловались друг другу на порядки, делились наболевшим.

После войны мама со своей сестрой, моей тётёй Женей, уже не расставались и жили недалеко друг от друга. Мама с нами, как я уже писал, в доме №18 по пер. Хользунова. Тётя Женя со своим вторым мужем Калабиным Игорем Константиновичем и их дочерью Таней в общежитии Академии им.Фрунзе. Запомнился мне и номер их квартиры – 333-я. Дом имел огромного размера коридоры с дверями квартир по их бокам и общие кухни и туалеты.

Летом все вместе отдыхали у нас на даче возле станции «Трудовая» (с Савёловского вокзала), которую отец построил на выделенном от академии Генштаба участке земли в полгектара. Помню, как отец только-только получил этот участок и мы часто выезжали обустроить свой земельный надел на своём «опель-адмирале».

В разных местах той дачной местности находились дачи генералов: Благодатова, Бармина, Степанова, Позняка (начальника кафедры Академии, в которой работал мой отец), Грецова, Болдина, Кирпичникова, Рымарева, и др. генералов. Все эти дачи располагались недалеко от деревень Белый Раст и Кузьево, где в 1941 году стояли немцы. О прошедших днях войны в 50-е – 60-е годы напоминал возвышающийся из окопа бетонный колпак дота возле станции с прорезью амбразуры вдоль линии железной дороги строго на север. Жители местных деревень рассказывали, что в 1941-42 гг немецкие бомбардировщики, не сумевшие прорваться к Москве через плотный заградительный огонь зениток, вымещали свою злость, сбрасывая бомбы на все попадающиеся им на обратном пути подмосковные деревни. Пострадала от такой бомбёжки и деревня Чёрная, находящаяся и сегодня возле Икшинского водохранилища.

В непосредственной близости от этого водохранилища находились дачи маршалов Ротмистрова и Соколовского. Мне запомнилось одно посещение дачи Ротмистрова, делившего тогда каменный дом с семьёй генерал-лейтенанта Позняка. В то время мне было лет 8 - 9. Павел Алексеевич показывал мне свою пасеку. Показал всё своё пчелиное хозяйство, как он не боится пчёл, а пчёлы его, и в завершение встречи угостил мёдом.

С каждым приездом в Москву в отпуск я находил мало изменений как в топонимике Девички, так и в архитектуре её домов. Меня всегда встречали ничуть не изменившиеся со дня моей военной службы любимые переулки и улицы по названию их дореволюционных ещё домовладельцев: Оболенский, Олсуфьевский, Несвижский, Языковский и др. Та же центральная Большая Пироговская улица (бывшая Царицынская), те же Лужники, сквер Девичьего поля. Те же Пуговичный, Ксеньинский и Вражские переулки.

Как-то после смерти писателя Михаила Шолохова власти города, следуя сложившейся за годы советской власти традиции, видимо, посчитав, что для царского стрелецкого головы Ивана Зубова слишком много встречается его имён, - аж два раза,- решили переименовать Зубовскую площадь в площадь Шолохова. Оставив лишь одно название Зубовского бульвара на Садовом кольце. Но года через полтора по неизвестным причинам всё вернулось на круги своя и имя московского военачальника 17 века вернулось на прежнее место.

В перекрёстке переулков: Хользунова, Оболенского и ул. Усачёва,- находилось трамвайное депо им. Артамонова (сегодня на этом месте все здания депо снесены и ведётся строительство Музея ретро-автомобилей). И вот рано утром было слышно, как из депо, выходили трамвайные составы. Покачивая своими вагонами, со стуком и со скрежетом выползавшие на свои маршруты. 29-й трамвай шёл по ул. Россолимо и проезду Девичьего поля через Плющиху в сторону Зоопарка и далее к Савёловскому вокзалу. А 47-й и «Аннушка» по той же улице Россолимо в сторону Тёплого переулка и далее по Комсомольскому проспекту на Крымский мост. В районе же улиц 10-летия Октября и Малой Пироговской, сделав круг, все эти трамваи начинали сначала свои движения по маршрутам.

Помню и трамвай «А» («Аннушку»). Вот что мне удалось узнать в Интернете.

«В 1939 году от Кропоткинских ворот маршрут был продлён по Кропоткинской (ныне Пречистенка), Зубовской и Большой Пироговской улицам до Клинической площади (находилась на пересечении улиц Еланского, Плющихи и Погодинской и 2-го переулка Тружеников). В 1943 году маршрут на короткое время сокращался до Кропоткинской, затем был восстановлен по прежней трассе, а в 1948 году продлён до конечной "Улица Десятилетия Октября" по Малой Пироговской улице.»

От колёс вагонов при их движении стоял грохот очень чувствительный для ушей и нервов пожилых жильцов дома, особенно в позднее вечернее время и рано утром. Когда все трамваи где-то в 5 – 6 утра выползали из своего депо на Хользунов переулок и затем на улицу Россолимо. При этом на стыке перекрёстка рельс вагоновожатый первого трамвая выходил из вагона и специальным металлическим рычагом переводил стрелку. Раздавался хлопок, похожий на выстрел и трамвай выходил на маршрут. Мы, мальчишки того времени, конечно же, не могли оставить этот вид транспорта без своего внимания. Клали на рельсы пистоны, капсюли от охотничьих патронов, спички. Чтобы затем при наезде трамвая на эту незамысловатую пиротехнику наслаждаться звуками пулемётных очередей или одиночных выстрелов. Клали большой гвоздь на рельсы – получали что-то наподобие заточки, которые мы затем использовали для игры в «ножички», бросая эти заточки в очерченный на земле круг. То же самое проделывали с медными пятакими, получая биты для игры «в стенку». Можно было ещё из такого кругляша выпилить и отшлифовать сердечко или что-то другое. Часто трамваи сходили

с рельс или даже опрокидывались на бок из-за их низких технических характеристик. И приходилось иногда из окна своей квартиры наблюдать, как вагон или вагоны бригада ремонтников водружала на рельсы. Под нашими окнами однажды бензовоз не уступил дорогу трамваю и врезался в него, опрокинув один вагон. Хорошо, что бензовоз был пустым и не взорвался.

Некоторые мои друзья любили прокатиться с ветерком, стоя на задней колбасе последнего вагона до первого свистка постового, т.е. орудовца (от аббревиатуры ОРУД, отдела регулирования уличного движения, современного ГАИ).

В самих трамваях все сиденья были деревянными, проезд стоил в зависимости от продолжительности маршрута. А перед отправлением кондуктор дёргал рукой за верёвочку, приводившую в движение колокольчик в кабине вагоновожатого. Раздавался мелодичный звук, оповещавший, что пассажиры зашли в салон и можно начинать движение.

А однажды я с мамой и сестрой с балкона наблюдали, как солдаты стройбата, работавшие на строительстве поликлиники ВВС на Б. Пироговской, избивали патрульных и милиционеров, попытавшихся задержать их пьяного товарища. Видел, как пятки сверкали патрульных солдат и офицеров, убегавших с места разборки.

Первые частные автомобили, первые газовые плиты, первые телевизоры, магнитофоны, холодильники, рулоны с туалетной бумагой, тюбики с зубной пастой (до этого использовался мятный зубной порошок), первые радиоприёмники на транзисторах – всё это возникало и вскоре превращалось в предметы первой необходимости в нашем доме на наших глазах, переходя со временем в разряд дефицита. В качестве прохладительного напитка летом почти у всех жильцов дома стояли трёхлитровые банки с чайным грибом с добавлением сахара. На вкус он был кисловато-сладким и в жару хорошо утолял жажду.

Хорошо помню, как в 1949 году отец принёс домой первый советский телевизор «Москвич». С каким интересом и восторгом все тогда смотрели первые передачи телевидения. Как на малюсеньком экране с 7 до 10 вечера при частых перерывах на 10 – 15 минут разыгрывались представления из Большого театра, Театра кукол под руководством Сергея Образцова, новых фильмов, показ которых вскоре прекратился из-за упадка доходности кинотеатров. В выходные и праздничные дни телепередачи начинались уже с утра и продолжались до 11 вечера. Ломался телевизор довольно часто, и маме иногда по несколько раз в месяц приходилось вызывать телемастера по фамилии Шуб, который за ремонт нашего «окна в мир» брал большие деньги, несмотря даже на то, что всего лишь два дня назад его ремонтировал. Помню, что был он очень разговорчивым и во время ремонта без усталости говорил. А когда однажды

постучал рукой по телевизору, чтобы улучшить изображение на экране, то тут же объяснил, что при производстве таких телевизоров на конвейере завода стоят специальные резиновые автоматические стучалки, которые лёгким постукиванием по корпусу добиваются улучшения строчности. Только после мужского разговора отца с этим Шубом наш «Москвич» заработал уже более продолжительное время, более чем один месяц. А потом мы уже стали вызывать других мастеров по ремонту.

Телевизионные антенны представляли самодельные деревянные крестовины с медными трубками и кабелем. Стояли они все на крышах домов, отчего многие дома в Москве приобрели вскоре вид ошестинившихся дикобразов. Если у близких соседей не было телевизора или он сломался, то по законам коммунального житья мы приглашали их к себе в гости «на огонёк». Для этого в ожидании гостей заранее расставляли стулья. Шли к соседям и мы, когда у нас барахлил «ящик».

Самым надёжным в работе телевизором считался в то время «КВН». После него шёл «Ленинград». Наш «Москвич» был на третьем месте. Экраны, как я уже говоил, были маленькие, с ладонь человека, поэтому многие покупали для них линзы, наполненные дистиллированной водой. А чтобы создавалось впечатление цветного изображения, добавляли в эту воду медицинскую зелёнку.

Вошли уже в историю первые дикторы ТВ: Кондратова, Чепурова, Леонтьева, Шилова, Кириллов, Шатилова и др. Особенно любимой у первых телезрителей была Кондратова за её женское обаяние и красоту. И вся Москва очень переживала за неё, когда при очередном репортаже с павильона животноводства ВСХВ она получила глазную травму от рога племенного быка, взбесившегося вдруг при виде юпитеров и надвигавшейся на него телекамеры. Причём, об этом несчастном случае, насколько мне известно, нигде не писалось в прессе и тем более не объявлялось по телевизору. Но москвичи знали об этом инциденте и все вздохнули с облегчением, когда Кондратова опять появилась на телеэкране.

Позднее, уже где-то в середине 50-х годов в продаже появился первый телевизор «Темп» с двумя программами. Но и для его ремонта тоже часто приходилось вызывать мастера, самого в то время уважаемого человека в Москве.

В это же время появились в продаже и первые радиолы и первые ламповые радиоприёмники. Такие, например, как «Латвия», «Фестиваль» и др. До них москвичи пользовались проводной радиоаппаратурой и патефонами.

А первые транзисторные радиоприёмники и магнитофоны заработали в квартирах где-то в конце 50-х – начале 60-х годов. И сразу же из первых магнитофонов «Яуза», «Весна» и др. полились по московским улицам песни белоэмигрантов Лещенко и Вертинского. Позднее советских знаменитых бардов: Окуджавы, Галича, Рыбникова, Визбора и др. На смену которым пришёл неподражаемый Высоцкий с его хриплым голосом, манерой игры на

гитаре и «взбудораженным нервом» от всей нашей унылой советской действительности.

Мне посчастливилось застать на Девичке не дошедшие до наших дней кинотеатры и клубы, которые в 50-х – 70-х годах у москвичей, как и у всех жителей страны, являлись посещаемыми храмами, по словам Ленина, «наиважнейшего из всех искусств – кино». Часто билеты приходилось покупать с рук из-за их быстрой распродажи. А из-за какого-нибудь безобидного единственного поцелуя в заграничном фильме нас, мальчишек, в фойе клуба или кинотеатра встречало обидное объявление: «Детям до 16 лет смотреть фильм запрещается».

Клуб имени Горького на улице Бурденко исчез где-то в начале 60-х годов. Примерно в это же время исчез и кинотеатр «Кадр», располагавшийся на Плющихе рядом с домом №13. Помню, как в середине сеанса в этом кинотеатре вдруг раздавался довольно мощный гул – это включали вентиляцию зала.

Недалеко от этого кинотеатра, по адресу: Плющиха, 31, кв. 11, - в 70-х годах жила гражданская жена Верховного правителя России адмирала Колчака Тимирёва Анна Васильевна. Которая после ареста и расстрела Колчака в 1920 году провела в заключении в общей сложности 38 лет.

Клуб Академии им. Фрунзе в Земледельческом переулке дошёл до наших дней с середины 30-х годов. Но уже с середины 90-х годов не отвечает своему первоначальному предназначению. В последнее время в нём проходили репетиции разных ансамблей. В 1993 году я в этом клубе смотрел австрийский фильм «Маленькая мама». А его стены помнят всех без исключения знаменитых советских военачальников и полководцев ВОВ, обязанных своими высокими положениями в стране и обществе единственным в стране самым престижным академиям им. Фрунзе и Генштаба. С конца 50-х по начало 80-х годов эти академии были объединены.

А в клубах им. Свердлова, комбината Розы Люксембург, как и в сохранившихся зданиях кинотеатров: «Стрела», «Фитиль», «Спорт», «Старт», «Рекорд», - сегодня непонятно что расположено.

Перепрофилирован и клуб завода «Каучук», дошедший до наших дней в своём конструктивистском виде, со стеклянным полукруглым фасадом и клешнями-лестницами, как бы поддерживающими эстрадную площадку вестибюля.

Отрадно, что рядом с этим клубом засиял в своём великолепии храм Архангела Михаила, построенный ещё в 1894 – 1897 годах при университетских клиниках. Удивительно, но мало кто знал до 90-х годов прошлого столетия, что это руины церкви. А ещё удивительнее, что эти руины, возникшие в 30-х годах, так и простояли из-за нерасторопности московских чиновников, заволокитивших их снос, до времени перемен в стране и в наши дни эти развалины превратились из «гадкого утенка» в посещаемый божий храм.

То же самое можно сказать и о церкви середины 17 века Воздвижения Креста Господня на Чистом Вражке (недалеко от Плющихи), в которой 25 мая 1901 года венчались русский писатель А.П. Чехов и С.Л. Книппер.

На Погодинской улице, рядом с Албанским посольством, в здании которого затем с начала 60-х годов располагались поочерёдно посольства Республики Гана и Ирака, чудом сохранился деревянный флигель историка Погодина, в доме которого останавливался Н.В. Гоголь и писал некоторые главы своей знаменитой поэмы «Мёртвые души».

Летом в жару купаться ездили на самый ближайший к нашему дому пляж в районе Бородинского моста, где в середине 50-х годов на стороне набережной Тараса Шевченко не было ещё гранитного берега. Но вода Москвы-реки уже по вкусу была противной, с каким-то химическим привкусом. Но мы мало тогда обращали на это внимание.

Ходили купаться также и в платные купальни Фрунзенской набережной, недалеко от Крымского моста. Где из досок на реке были сооружены бассейны с разной глубиной, в которых можно было хорошо освежиться и позагорать.

Для разнообразия ездили на речном трамвайчике и в Серебряный бор, - излюбленное место отдыха всех москвичей.

Район Комсомольского проспекта и Фрунзенской набережной до 1956 года представлял своего рода вторую дореволюционную Хитровку с её деревянными бараками, знаменитой на всю Девичку шпаной и криминальными авторитетами. Единственной достопримечательностью того места служили Хамовнические казармы архитектора Казакова с почти не сохранившимся Будённовским конным манежем. Весь этот район назывался у москвичей «Тмутараканью» и самой глухой окраиной столицы с её болотистой местностью, заливными лугами и огородами Лужников с цыганским табором возле озера Новодевичьего монастыря в придачу. Представлявшего до 1956 года обыкновенную лужу, в которой я для познавательных целей вместе со своими товарищами вылавливал тритонов и головастиков и держал их какое-то время у себя дома в стеклянных банках. Головастики почему-то быстро дохли, не желая превращаться в лягушек. А тритонов вскоре приходилось выпускать обратно в озеро, ибо своим чудовищным видом они пугали родных.

«Возле этого пруда, почти в самом центре Москвы находился колхоз под названием «Коллективный труд», огороды которого тянулись до монастыря. А на берегу реки Москвы стояли деревянные дома, в которых жили рабочие «Моссудоверфи», строившие буксиры. У каждого дома был сарайчик для дров и разного барахла. Теперь вся эта территория – спорткомплекс «Лужники». (Журнал «Военно-исторический архив» №1 за 2008 г., стр.151). Дурную же славу этот район приобрёл у москвичей по большому количеству пожаров многочисленных деревянных домов района, тесно расположенных друг к другу. Жуткое зрелище после них представляли толпы женщин, бредущих не зная куда по Девичке с жутким воем и плачем по погибшим

своим близким. На окнах многих бараков и домов стояли металлические решётки от воров, из-за которых люди во время скоротечных ночных пожаров, когда всё за считанные минуты из-за ветхости дерева выгорало дотла, оказывались в огненной ловушке.

Вся Девичка очень изменилась к Фестивалю молодёжи и студентов в Москве в 1957 году. Снесли все оставшиеся от пожаров бараки. На их месте теперь находится Комсомольский проспект с Дворцом молодёжи и станцией метро «Фрунзенская». А вскоре преобразилась и Фрунзенская набережная с выросшими после долгого строительства корпусами филиала Минобороны.

Большой популярностью у москвичей пользовались аттракционы Парка культуры и отдыха им. Горького. Само это словосочетание до сих пор служит предметом обсуждения, и кто-то из острословов прозвал его «Парком культуры имени отдыха». Тем более непонятно, почему только один парк был так назван. Получается, что в других многочисленных парках столицы можно было только работать и по надобности справлять нужду прямо на его аллеях?

Примечательно, что ЦПКиО пользовался большим уважением у английского драматурга Бернарда Шоу, которому в дни его приезда в Москву в 30-е годы советские чиновники пустили пыль в глаза и представили парк в лучшем свете. Да так, что в переписке с советскими писателями он долго потом восхищался его красотой и Летним театром. А когда в Англии спросили этого знаменитого драматурга, видел ли он в Советской России голодающих людей? он ответил: «Что вы, меня там прекрасно кормили!».

Знаменитый английский фантаст, рассказы которого мы зачитывали до дыр Герберт Уэллс, посетив Москву в 1934 году, назвал Парк Горького «Фабрикой счастливых людей».

А ведь до 20-х годов прошлого века на его месте находилась самая заурядная свалка и известно, что во времена царя Алексея Михайловича здесь находилось кладбище бродяг и животных. И если здесь где-то закопаны останки знаменитого бунтаря Степана Разина после его казни в 1671 году на Болоте недалеко от Кремля, то труп не менее знаменитого предводителя восстания Емельяна Пугачёва сразу же после его казни в январе 1775 года сожгли там же на Болоте вместе с помостом и плахой.

Самое яркое воспоминание в моей памяти оставило посещение парка с отцом где-то в конце 40-х годов. Когда на его территории была организована выставка сбитых немецких самолётов с крестами и свастикой на крыльях и фюзеляжах. Слышал, что сейчас вся эта техника гниёт где-то в земле Авиамузея в Монино под Москвой.

Большой след в памяти оставил также и сквер Девичьего поля, в центре которого находилась горка, откуда детвора любила зимой скатываться на лыжах, на коньках или просто на ногах по раскатанной ледяной дорожке. В этот сквер я ходил гулять со своей нянькой тётёй Олей Поливцевой, которая брала для меня и себя кое-какую еду и обязательно бутылочку

кипячёной воды с вишнёвым или клубничным сиропом. Я играл с ребятнёй на горке зимой или летом в песочнице, а тётя Оля присоединялась к своим подружкам-нянькам и проводила время в беседе с ними, поглядывая за мной. Посещал я этот сквер и с домработницей тётей Нюрой, которая в качестве помощницы мамы по хозяйству ненадолго задержалась у нас. Дольше всех, - аж целых 3 года,- продержалась в нашей семье молодая тогда девушка Фрося Новосёлова, ставшая в замужестве Томиловой. В конце концов и ей надо было создавать семью и где-то в конце 50-х годов она уехала из Москвы к себе на родину в деревню на Урал, о чём вскоре стала очень жалеть. Мама, а после её кончины моя сестра и я переписывались с ней, жившей уже в посёлке Калита Броварского района под Киевом, куда ей и её семье удалось перебраться перед самой Чернобыльской катастрофой.

Как тут не вспомнить и добрую тётю Пашу Гайдукову, помогавшую маме в уборке квартиры, очень набожную женщину, преподавшую мне самые первые уроки Закона Божьего. Да ещё в то хрущёвское время, когда делать это было довольно опасно. Она работала у всех жильцов дома и часто приходила со своими детьми: Маней и Тасей, - с которыми я играл в разные игры.

Все эти няньки и домработницы оставили неизгладимый след в моей душе за их доброту, душевность и внимание ко мне и моим детским капризам. Пусть им всем земля будет пухом!

Став немного взрослее, мы часто гоняли мяч по газонам сквера Девочки всегда в готовности по первому свистку сторожа схватить мяч в охапку и бежать к выходу. Иногда сторожам всё-таки удавалось отобрать у нас мяч, стоивший в то время где-то 30 рублей. Для нас это были большие деньги, если мороженое «эскимо на палочке» стоило 1 рубль 10 копеек за порцию, «фруктовое» 70 копеек, а большой брикет «пломбира» аж целых 4 рубля.

Приходилось делать перерыв в футболе, пока кому-нибудь из нашей компании родители на день рождения не подарят новый мяч.

Памятник Льву Толстому стоял другой, более скромный, простоявший до конца 60-х годов. Скульптор изобразил великого русского писателя в полный рост и с руками за пояс. Сейчас этот гранитный Толстой стоит в сквере своего Музея на Пречистенке, 11. На его месте с 1972 года возвышается скульптура Толстого работы А.М. Портянко.

Приятно сознавать, что долгие годы жизни Льва Николаевича (1882 – 1910 гг) были связаны с Девичьем полем, в Хамовническом переулке которого в доме №21 он жил и написал более 60 своих произведений. Ныне в этом доме Музей Льва Толстого.

Выгул с собаками в сквере Девочки был запрещён, и у нас создались проблемы, ибо с нами в квартире жили постоянно собаки. Сначала породы дратхаар Стелла, а после неё две шотландские овчарки: Норка, а после её смерти в 1956 году её сын, добродушнейший Джой. Милиции было даже дано разрешение отстреливать выгуливаемых собак, если они

находились со своими хозяевами в парках и скверах города и были отпущены с поводка. Создавались конфликтные ситуации на Девичке между хозяевами собак и милиционерами. Вплоть до привода в милицию и составление протокола. Вопрос отпал, когда в защиту собак и их хозяев выступил в «Правде» со своей статьёй знаменитый кукольник, Народный артист СССР Сергей Образцов.

А какое веселье царило по вечерам возле клуба завода «Каучук» в дни народных гуляний в праздники! На площади возле клуба стояли столы с белыми скатертями, на которых красовалась всевозможная снедь: пирожные, разного рода булочки, бутылки с пивом и лимонадом, различные бутерброды и т.д. На открытой эстраде клуба выступали артисты из заводской самодеятельности. Играла музыка. Люди танцевали, знакомились. И за порядком зорко следили усиленные наряды милиции. Встречались и пьяные – район в общем-то был не только медицинским по большому количеству разного рода клиник и институтов, но в нём ещё также жили и пролетарии по многочисленным заводам и фабрикам. Самых буйных пьяных милиционеры отводили в 42-е отделение милиции, пользовавшееся дурной славой у всех жителей района. Ходили слухи, в этом отделении милиционеры часто забивали людей до смерти. Это полудеревянное здание бывшей милиции сохранилось до наших дней в перекрёстке проезда Девичьего поля и Плющихи. В нём давно уже находится какое-то хозяйственное помещение стадиона «Буревестник», который раньше назывался «Красное Знамя». В 50-х годах на этом стадионе работали всевозможные спортивные секции и проводились любительские футбольные встречи. Зимой же заливался каток и проводились соревнования по конькобежному спорту. Мы тоже, перелезая через забор, иногда катались на льду этого стадиона на своих «гагах».

Недалеко от нашего дома находился комплекс зданий сегодняшнего Педагогического университета с большим двором, лачугами с жившими в них людьми, с детьми которых мы старались всеми способами завязать знакомство. Ибо самое ценное, что нас привлекало во дворах этого комплекса (мы называли его Институтом) это была свалка. Для нас настоящий «клондайк» с материалом для производства разного рода поджигов из медных трубок, рогаток, луков, самодельных хлопушек, пушек или катапульта, стреляющих камнями, воздушных змеев, мини- парашютов, моделей ракет и планеров, свинцовых бит для игры в «нагонялки» и т.д. Рядом с анатомическим корпусом Высших женских курсов работал фонтан, и в жару в нём было очень даже приятно освежиться в его маленьком бассейне под струями холодной воды. Зимой в одном из тупиков Института заливался каток, и мы на нём катались на коньках, пока, нас, чужаков, не прогоняли жильцы близлежащих хибар. Летом на этом месте играли в футбол. Анатомический корпус служил нам и в познавательных целях, ибо через дырки и щели в белой краске окон можно было видеть трупы людей и над ними склонившихся людей в белых халатах, впервые в жизни задумываясь о

смысле людского существования всех и в отдельности каждого в этом загадочном красочном мире и нашем в нём месте.

Также летом в жару можно было наблюдать, как во двор этого корпуса везли со всех районов Москвы и Подмосковья трупы утонувших в водоёмах людей. Жуткое было зрелище! Раздетые догола юноши и мужчины, девушки и женщины, за минуты лишившиеся своих жизней, в дальнейшем напоминали нам простую сермяжную истину о хрупкости всей нашей земной юдоли. А потому о её ценности, и таинственном предназначении.

Никогда не забуду своих друзей, живших в деревянных домах этого Института: Женю Минаева и Игоря Зендрикова. С Игорем я учился в 1-ом и 2-ом классах 589 школы, а его мама работала тренером по лёгкой атлетике на стадионе в Лужниках. Жили Зендриковы тогда рядом с Дарвиновским музеем, возле ворот Института.

Помню ещё какого-то мальчика по прозвищу Китаец из-за его узкого разреза глаз. То ли из-за того, что он нигде не учился. То ли потому, что он и его родители не имели прописки, к ним в их лачугу часто навевывался участковый и часто нас спрашивал об их нахождении, видя дверь в их комнату всегда открытой настежь, ибо вся их нехитрая домашняя обстановка не представляла никакой ценности даже у самых опустившихся мелких воришек. Мы, естественно, дружно отвечали, что не знаем, предварительно спрятав Китайца при виде появившегося вдруг вдалеке милиционера.

Не обошли мы своим вниманием и Новодевичий монастырь, стены которого с самого начала 16 века помнят многое. У меня тогда и в мыслях не было, что на старой территории его кладбища через несколько лет ляжет мой отец, скончавшийся в 1957 году, потом средний брат, мама и сестра. Больше всего нас привлекала усыпальница под Смоленским собором, дверь в которую в то время не запиралась, и в ней при тусклом освещении можно было видеть собранные за ненадобностью со всей территории монастыря каменные надгробия. Всё это даже для нас, мальчишек той поры, представляло унылое зрелище. Ибо являло собой склад не нужной большевикам исторической памяти о «проклятом царизме». А ведь как на самой территории монастыря, так и в самой усыпальнице имеются уникальные захоронения членов царской семьи и исторических личностей, имевших самое непосредственное отношение к укреплению Российской державы, его могуществу и процветанию.

Таких, как захоронение генерала от кавалерии А.А. Брусилова; могилы героев отечественной войны 1812 г. – Д.В. Давыдова и В.М. Тимофеева; декабристов – С.П. Трубецкого, М.И. Муравьёва-Апостола, М.Ф. Орлова; видных деятелей русской культуры М.Н. Загоскина, И.И. Лажечникова, А.Н. Плещеева, С.М. Соловьёва, Ф.И. Буслаева. А.С. Уварова и др.

А в упоминаемой мной усыпальнице 16 – 17 вв, в подклети Смоленского собора размещены могилы монахинь из знатных княжеских и боярских родов, захоронения членов семьи Ивана Грозного по женской линии. Отдельное, маленькое помещение подклета отведено под семейную

усыпальницу боярина Б.М. Хитрово, с 1657 г возглавлявшего Оружейную палату Московского Кремля.

В южном нефе Смоленского собора находятся гробницы сестёр Петра 1-го царевен Софьи, Евдокии и Екатерины Милославских. Там же похоронена первая жена Петра 1-го – Евдокия Лопухина

Как-то лазая со своими друзьями в полной темноте по ремонтируемой палате при Напрудной башне, я провалился в какую-то довольно глубокую яму и подбородком сильно ударился о ступеньку. Благодарил судьбу, что упал не в колодец или в какой-нибудь более глубокий подвал. С тех пор под нижней губой ношу с гордостью небольшой шрам как напоминание о моём детском любопытстве в сочетании с любовью к истории.

Удивительно, но в середине 50-х годов монастырь был обитаем и на его территории в деревянных домах и каменных пристройках жили люди.

Вот что пишет об этом Станислава Одоевцева в газете «Московский комсомолец» от 1.02.2000 г.

«...В охваченной жилищным кризисом Москве 20 – 30 гг, «божьих коммуналок» было великое множество. При различных обстоятельствах были заселены храмы и кельи Покровского, Рождественского и Новодевичьего монастырей, две церкви Вознесения Господня – на Б. Серпуховской и Вознесенской улицах, церковь Николая Чудотворца на Таганке, помещение Константинопольского патриарха на «Трубе»...

У Новодевичьего монастыря был «особый профиль». Там помещалось нечто вроде «резервации» для дворян и интеллигенции.

Жилищные условия в монастыре были много хуже, чем даже в Казанском соборе. Воду добывали из уличного колодца, естественные нужды справляли во дворе, в деревянной холодной постройке; отапливались печками-буржуйками. И уж совсем туго было тем, кто обитал в тех самых нарядных башнях.

Князя П.С. Вяземского вместе с женой, урождённой графиней Шереметевой, и маленьким сыном поселили в Новодевичьем в 1922 г. Последний владелец «русского Парнаса» - Остафьев – принял революцию и добровольно сдал имение новым властям. Дворец, в котором хранилось множество реликвий, связанных с именами Пушкина и Карамзина, немедленно разграбили, а князя с семьёй поместили под самую кровлю башни – наподобие голубей.

Сходство с миром пернатых усиливали «птичьи права», на которых жили Шереметевы-Вяземские, несмотря на академическую степень Павла Сергеевича. Как рассказывают теперь во Дворце-музее «Остафьево», супруги Шереметевы умерли во время войны от холода и недоедания. Их сын выжил лишь потому, что воевал и был по ранению демобилизован, за что ему полагались продуктовые карточки. Теперь это известный художник Василий Павлович Шереметев.

В подклети Успенского собора монастыря жил литератор Борис Александрович Садовский. Его «каморка» была постоянным местом «тайной

вечери» для деятелей культуры, которые горячо обсуждали судьбу очередного находящегося в опасности объекта, строили планы его спасения...

Конечно же, эти «сходки» посещал и спаситель собора Василия Блаженного Пётр Дмитриевич Барановский. Причём далеко ходить ему было не нужно – ведь он вместе с супругой тоже «квартировал» на территории монастыря, в Больничном корпусе.

Каково было житьё-бытьё Барановских, иллюстрирует рассказ сотрудницы филиала Исторического музея в Новодевичьем монастыре: «Очень хорошо помню, как Мария Юрьевна Барановская, красивая, породистая дама, сидит за столь же благородным антикварным столиком 18 века и что-то пишет, а рядом торчат трубы, все зелёные от плесени, и с них ржавая вода капает прямо на витую ножку столика». Забавно, что Пётр Дмитриевич так привык к своей обители, что не хотел с ней расставаться в 1961 году, когда монастырь расселяли, а ему давали роскошную «академическую» квартиру...»

В бытность мою начальника отдела охраны, режима и музейных смотрителей Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль» у меня в отделе музейным смотрителем работала Александровская Людмила Александровна. Она со своими родными до 1961 года тоже жила на территории Новодевичьего монастыря в помещениях кельи и помнит ещё таких монастырских жильцов, как: Сутеев, полковник Вержбицкий, художник Кузнецов и др.

У нас, детворы тех далёких уже годов, было много различных увлечений. Гонялись по этажам, разбившись на две группы, и стреляя в друг друга из рогатки бумажными пулями. Сражались на деревянных, сделанных собственноручно из досок, с тупым концом саблях. Что не защищало стопроцентно от синяков на лице, как и от попаданий бумажных пулек под глаз или в щёку.

А посему домой часто приходили поцарапанными, а то и с ссадинами на лице.

Делали самодельные хлопушки из одной гайки и двух болтов, между которыми насыпали серу от спичек. А потом из-за укрытия бросали это соединение в стену и с восторгом от прилива к голове адреналина слушали свист пролетаемых над нами гаек и болтов.

Просили кого-нибудь из знакомых выточить нам на токарном станке из дерева корпус ракеты. Заправляли её охотничьим порохом и с наслаждением наблюдали затем её запуск. Часто ракеты у нас взрывались на старте. При этом кто-то получал раны либо на лице, либо на руке. Но это не мешало нам экспериментировать. А когда нам эти запуски надоедали, переключались на что-нибудь другое. Например, заворачивали отработанную, горевшую факелом фотоплёнку в бумагу наподобие конфеты и затем поджигали один из её хвостиков. Как только огонь перекидывался на плёнку, и та вспыхивала ярким пламенем, мы тушили её ногой и балдели от шипящей дымовой завесы, окутывавшей нас густым дымом с химическим запахом.

Экспериментировали и с химическими препаратами. На улице 25-летия октября в магазине «Химреактивы» покупали аммоний двуххромовокислый. Высыпали содержимое на огнеупорную поверхность, дробили комочки и поджигали этот реактив. При выключенном свете создавалось впечатление извергающего лаву вулкана.

Увлечение химией вскоре перешло в практическую плоскость, и мы стали фокусничать с отметками, выставляемыми в дневниках преподавателями школы. Если бумага в дневнике была белая, то оценку за какой-нибудь предмет, «двойку» или вообще «кол», чтобы скрыть их от родителей, обмазывали раствором уксусной эссенции с марганцовкой. А после высыхания обрабатывали место перекисью водорода. Никаких следов чернил после такой химической обработки в дневнике не оставалось. Но здесь нужно было знать меру. Мой друг Володя Рябченко так увлёкся выведением своих единиц и колов на зелёной бумаге дневника, что вскоре все учителя и родители увидели на месте многочисленных неудов и замечаний одни белые пятна.

В арбузный сезон выедали всю красную мякоть этого фрукта. Вырезали на корке глаза, рот и нос. Вставляли внутрь свечку и вечером на тёмной пожарной лестнице пугали припозднившихся жильцов дома. Женского визга и смеха было к нашему удовольствию предостаточно.

Продаваемые в магазинах различные детские игры типа «серсо», настольного хоккея или футбола нас интересовали на короткое время. Как и фильмоскопы, на которых мы прокручивали уже по двадцать раз эпизоды из знакомых фильмов. На белой простыне, вывешиваемой на стене, мы пректировали плёнки излюбившихся фильмов: «Максимка», «Дети капитана Гранта», «Корабли штурмуют бастионы», «Подвиг разведчика» и др. И каждый раз наслаждались поясняющими к каждому кадру текстом. Потом вдруг нас всех увлёл марочный бум. Все разом стали коллекционировать марки. Причём особой популярностью пользовались марки английских колоний с изображением очень красивой женщины с короной – Елизаветы 2-й. Откуда они появлялись в Москве в продаже у спекулянтов, мы не знали. Но стоили они 1 рубль за штуку и за ними мы периодически ездили на Кузнецкий мост к марочному магазину, возле которого всегда собиралась разношёрстная публика, наперебой предлагавшая самые редкие, не продававшиеся в магазинах, марки.

Пополняли мы свои коллекции также и наборами марок Китайской Народной Республики, Германской Демократической Республики и других стран. Для чего нам приходилось экономить на мороженом и газировке, часто отказываясь даже от походов в кино. Потом мы долго рассматривали приклеенные в своих альбомах клейкими лентами марки английских, французских, германских довоенных, португальских, испанских, колоний, их метрополий и других независимых стран, расширяя свой кругозор в области географии и истории. Назубок запоминая столицы всех государств, и соревнуюсь в этих знаниях друг с другом.

У меня дома до сих пор хранится значительная часть моей детской коллекции марок с несколькими не выцветшими изображениями Елизаветы 2-й как напоминание о моём детстве и первом притяжении к женской загадочной красоте во всём её величии и таинственности. Да ещё с короной на голове как с символом могущества и вдохновения на великие дела.

Наверное, именно поэтому, чтобы продлить удовольствие от общения с прекрасным, после марочного увлечения все занялись фотолюбительством. Появились у нас популярные в то время фотоаппараты: «Любитель» за 45 рублей с широкой плёнкой, «Смена» за 180 рублей, «ФЭД» и др.

А у меня ещё в дополнение к подаренному от родителей на день рождения «Смене» имелся оставшийся от отца «Фотокор» с зарядкой стеклянных пластин с негативной эмульсией размером 10 на 15 см. Которые после фотографирования проявлялись и закреплялись в ванночках обычным способом, и с которых после просушки тут же печатались снимки. Для чего у меня имелась специальная кассета, в которую я заряжал проявленную пластину и такого же размера фотобумагу. Небольшое по времени горение обыкновенной спички, затем проявка, промывка, фиксация в темноте - и снимок готов без всякого фотоувеличителя.

Наши квартиры заполнились разного рода бачками, химикатами, фотоувеличителями, ванночками, красными фонарями и т.д. Благодаря этому увлечению, сегодня можно любоваться фотоснимками старой Москвы 50-х – 60-х годов, родных и друзей, заметно постаревших, а равно и ушедших уже из жизни. Своих школьных подруг, таких же красивых, притягательных, и уже, увы, недоступных, как и Елизавета 2-я.

В Москве тогда впервые появились стилиги, имевшие своеобразный и ярко выраженный вид. Очевидно, эта мода у московской молодёжи явилась своего рода первым вызовом властям страны. Ведь все эти стилиги по манере одеваться не имели ничего общего с Западом, превращая весь этот карнавал в своего рода протест против навязываемой морали. Отличительными особенностями нового стиля являлись коки на голове из волос и тонкие усики под носом, широкие плечи пиджака из грубой ткани, узкие к низу брюки, не закрывающие яркого цвета носки, туфли на высокой платформе и галстуки с изображениями пальм или обезьян. Мода изменилась и у женщин. Всё реже и реже на улицах города стали появляться косынки и провинциальные пиджаки с плиссированными платьями и вязаными кофточками. Стали постепенно исчезать муфты в руках и вуали на лицах, чернобурки на плечах пальто и шляпки с замысловатыми сооружениями наверху. Всё больше и больше появлялось химии, маникюра, педикюра, пудры и заграничного парфюма. И одеваться стали девушки под стать своим широкоплечим кавалерам, и кто во что горазд. Главное, чтоб было необычно, красочно, а значит, сексуально и привлекательно, за что им часто приходилось слышать оскорбления в свой адрес от проходящих мимо «мыр», одетых в грубо пошитые платья. С пучками волос на затылках и круглыми стёклами очков на носу.

Все эти молодёжные бунты против серости и казарменной унылости, конечно же, преследовались дружинниками и милиционерами, доставлявших таких ряженных в околотки. У задержанных стригли волосы, распарывали брюки под чтение нотаций и прописных истин, ибо власти боялись заразных примеров какого бы то ни было несогласия в стройных рядах законопослушных граждан – строителей коммунизма. Требовалось ко всем не выходить за рамки приличия и дозволенности, чтоб одеты все были пусть безобразно, но однообразно, как на строевом смотре. С угодничеством на лице и совковой прямолинейностью в общении, о которой хорошо сказал знаменитый комедийный актёр Савелий Крамаров: «Я играю дураков, и поэтому меня везде воспринимают как родного!». Ибо не нефть, не золото, не газ, а дураки были и остаются главным ресурсом России. На них сегодня можно легко зарабатывать миллиарды, не опасаясь осмеяния или возмездия. Для этого достаточно сравнить по уровню жизни Финляндию и Карелию, Германию и Калининградскую область, Японию и Сахалин, Благовещенск и соседний с ним через реку китайский Хэйхэ и т.д. Такое впечатление, что власти России только тем и озабочены, как бы ещё ухудшить жизнь своих граждан, чтобы они, наконец, начали протестовать против нищенской и беспросветной жизни. Поэтому все эти немногочисленные в то время стилиги, фарцовщики, искатели приключений, разочаровавшиеся в унылой советской действительности, поклонники музыки Элвиса Пресли и Билла Хейли, полотен Пикассо и Малевича, виски и жевательной резинки. Всего, что захватывает дух и погружает в бурю страстей или необычных ощущений; модницы на западный манер, готовых лечь под любого негра или захудалого иностранца из капиталистического забугорья, были единственным лучом в тёмном царстве серости и лицемерия, в котором «то, что быть не может, однажды тоже может случиться».

Помню первые отклики в прессе на тогдашнюю новую моду.

Не причёска, а капуста.
У неё в головке пусто.

И на модный в то время танец рок-н-ролл.

Мы спорить с Дарвиным не будем
В его работах нет изъяна
Он прав – в далёком прошлом люди
Произошли от обезьяны.
Всё было б так, как было прежде,
Но рок-н-ролл сгустил все планы
И в этом танце человека
Не отличишь от обезьяны.

Но никакая критика уже не помогала. Люди всё больше стали входить во вкус созданной ими в своём воображении иллюзии, благодаря многочисленным запретам и «железному занавесу» на границе. Из-под которого в страну вместе с легальной продукцией потекли ручейки европейского контрафакта, вторсырья, нечистот и свободомыслия. В наш дом зачастили широкие пиджаки и узкие брюки в попытках связать свою судьбу с дочерями генералов и адмиралов. Ибо браки такие считались в то время самыми престижными для молодых мужчин и их родителей. Равно как и для девушек, мечтавших выскочить замуж за сынков генералов, а то и маршалов. Потому что это значило сразу приобрести всё: квартиру, московскую прописку, дачу, машину и сравнительно безбедную, сытую жизнь послевоенного голодного лихолетья. Ведь в то время не существовало ещё среднего класса разного рода менеджеров, офисных клерков, пролетариев умственного труда и т.д. Зарождающаяся сфера услуг и обслуживания считалась непрестижной и находилась в зачаточном состоянии. А все теневики и спекулянты, делавшие большие деньги на дефиците и махинациях с документами, сидели в глубоком подполье, и с ними связывать свою судьбу было опасно из-за убийственных статей уголовного кодекса.

Но хватит об этой изнанке московского бытия. Перехожу к основной теме своего изложения.

Каждый человек живёт здесь и сейчас и жизнь каждого человека по-своему уникальна и неповторима. Поэтому мне, пользуясь возможностью, хочется здесь рассказать читателям о встречах с интересными людьми, с которыми мне в своё время посчастливилось общаться и которые оставили глубокий, неизгладимый след в моей памяти на всю жизнь.

В 1958 году моя сестра Эльвина на стадионе «Динамо» познакомила меня с набирающим в то время популярность в стране спортивным комментатором Николаем Николаевичем Озеровым. До этого я знал только его брата, Юрия Николаевича Озерова, кинорежиссёра по таким фильмам, как: «Арена смелых», советско-албанскому фильму «Фуртуна» и «Кочубей» с Рыбниковым в главной роли. С Озеровыми Эльвина познакомилась на одном из вечеров у Сухомлиных. Юрий Николаевич одно время являлся гражданским мужем Раисы Александровны, от которого она в 1945 году родила сына Володю. С ним я учился в одной школе, дружил, и мы до сих пор поддерживаем дружеские и родственные отношения. Сегодня он знаменитый профессор-программист, работает в МГУ, имеет много научных работ.

А тогда на стадионе «Динамо» мне посчастливилось увидеть Николая Николаевича Озерова в любительском футбольном матче со своими друзьями. Играл он великолепно. Но ещё лучше он играл в теннис, в котором ему мало было равных. В этом виде спорта он 45 раз являлся чемпионом страны, 170 раз побеждал своих соперников во всесоюзных и международных турнирах.

Видел я его и на сцене в спектакле МХАТа «Синяя птица», где он играл роль Хлеба.

Его с братом часто можно было увидеть у нас дома на Хользунова, а с переездом мамы, сестры и Коли в квартиру на Севастопольском проспекте и там.

С 1963 года, с моего поступления в Коломенское артиллерийское училище и последующей службы в войсках встречи с Озеровыми стали носить эпизодический характер, в дни моих приездов в Москву в отпуск. Билеты во МХАТ на самые престижные спектакли были мне всегда гарантированы, чем я и пользовался. Ибо в 60-е – 80-е дефицитные годы невозможно было попасть в театры на интересные постановки. Несколько раз я видел Николая Николаевича, выступавшим на Малой спортивной арене Лужников и на сцене Концертного зала гостиницы «Россия» с рассказами о спортивных баталиях.

С 1973 года ему наконец-то присвоили звание Народного артиста РСФСР. Как мне объяснили мои родные, был бы он и Народным артистом СССР, если бы являлся членом КПСС.

Помню, в один из своих приездов в Москву Эльвина меня и Николая Николаевича затащила в школу на Севастопольском проспекте, в которой учился мой племянник Коля. Сначала мы были приняты директором, очень обрадовавшимся встрече со знаменитым комментатором, Народным артистом, многократным чемпионом по футболу и теннису и т.д.

Разговорились. А когда директор узнал, что я только что приехал из горячей точки, Чехословакии, (встреча эта состоялась в 1969 году) то предложил и мне выступить перед школьниками с обзором событий в этой стране, о которых очень скупо освещали средства массовой информации. Я отказался по той простой причине, что после яркого, чисто гражданского выступления Николая Николаевича, буду жалко выглядеть со своим политико-милитаристским обзором событий, очевидцем которых являлся.

Помню, что выступал Николай Николаевич тогда перед школьниками очень ярко, в своей наступательной манере изложения спортивных событий, увлекаая слушателей азартом борьбы спортсменов и упоением победой.

Школьники долго аплодировали.

Мало кто знает, что у кинорежиссёра Юрия Николаевича Озерова есть ещё одна картина, о которой я уже упоминал. Это совместный советско-албанский фильм «Освобождение» или «Фуртуна» 1959 года выпуска на экраны страны. В этом фильме, как и во всех его последующих много стрельбы, взрывов, каскадёрских трюков, что должно было свидетельствовать о жестокой борьбе за независимость своей страны албанских патриотов против итальянских и немецких захватчиков в годы 2-й Мировой войны. У себя дома Юрий Николаевич как-то мне показал даже фотографию, на которой он был изображён рядом с руководством Албании, Энвером Ходжей, Шеху и др., которые в 60-е - 70-е годы в нашей стране относились к числу оппортунистов и даже врагов Лагеря стран социализма.

Поэтому этот фильм вскоре после его выпуска на премьеру запретили к прокату, и больше никто его уже не видел.

Где-то с конца 60-х годов творчество Юрия Николаевича приобрело второе дыхание. Один за другим выходят его серии киноэпопеи «Освобождение», затем «Солдаты свободы», «Сталинград», «Ангелы смерти». Примечательной особенностью его нового фильма «Освобождение» явилось то, что в нём впервые в советском кинематографе Сталин и Гитлер были показаны как равные друг другу соперники. А Гитлер был впервые представлен без какой бы то ни было иронии или карикатурности. После фильма «Падение Берлина» Чиаурели и других советских фильмов зрители увидели Гитлера даже в чём-то обаятельным и несчастным дедушкой, радеющим за судьбу своей страны.

Вера, моя жена, которая жила в Ашхабаде с 1963 по 1976 годы, рассказывала, как в центральном кинотеатре Ашхабада Туркмении «Мир», когда впервые показали фильм «Освобождение» и вдруг появившегося на экране Сталина в исполнении Закариадзе (брата известного артиста), все зрители встали и дружно зааплодировали.

Новаторством являлось ещё и то, что Юрий Николаевич впервые в советском кинематографе показал образ генерала Власова (правда без имени), сына Сталина Якова Джугашвили и других, не известных советскому кинозрителю героев и антигероев нашей истории.

Этот фильм принёс Юрию Николаевичу мировую известность, и с ним он объездил полмира. Побывал он и в США, где американцы все части его киноэпопеи перекрасили в более яркие и качественные тона, отчего весь фильм только выиграл.

В 1969 или 1970 году во время моего очередного отпуска Юрий Николаевич пригласил меня в зал киностудии «Мосфильм» на просмотр очередной серии его киноэпопеи, кажется, под названием «Направление главного удара». В зале собралось много генералов-фронтовиков, и все довольно долго ждали прихода Начальника штаба Объединённых Вооружённых Сил государств-участников Варшавского Договора генерала армии Штеменко. Как только он появился со свитой, поздоровался с Юрием Николаевичем, погас свет и начался просмотр. Показывался на экране, в том числе и мало знакомый для советского кинозрителя эпизод покушения на Гитлера группой немецких генералов летом 1944 года. Фильм произвёл на меня очень большое впечатление, ибо в области раскрытия неизвестных эпизодов 2-й мировой и Великой Отечественной войн в популярном их изложении Юрием Николаевичем Озеровым и оператором Игорем Михайловичем Слабневичем посредством кинематографа он являлся несомненно впереди всех других фильмов того времени.

Просмотр закончился, Озерова со всех сторон обступили генералы, и мне удалось лишь издали поблагодарить его за доставленное удовольствие. Через несколько дней в разговоре по телефону с ним я его ещё раз поблагодарил за приглашение, на что Юрий Николаевич мне ответил, что я

зря ушёл так быстро, ибо многие генералы выражали сомнение по поводу того, что, мол, понравится ли молодёжи этот фильм. И моё мнение было бы в тот момент как молодого военного очень кстати. Я понял, что Юрий Николаевич просто делал мне комплимент. Потому что по опыту всей своей службы в армии знал, с каким пренебрежением и высокомерием относились, в том числе и генералы - начальники к мнениям своих подчинённых, тем более молодых.

В 1972 году Юрий Николаевич провожал меня в Кизил-Арват Туркестанского военного округа, куда я получил назначение после службы в ЦГВ, обернувшейся для меня бессрочной ссылкой. В то время я ещё не знал, что округ, куда еду служить, является незаменимым, и мне пришлось в нём отслужить полных 16 лет. О чём с высоты сегодняшнего своего положения и домашнего уюта вспоминаю, как о ниспосланных мне Всевышним испытаниям и давшего возможность приобрести жизненный опыт.

Всё реже и реже в дни своих отпусков в Москву я встречался с Озеровыми, как и с их очаровательной мамой Надеждой Ивановной, удивительной женщиной, вдовой известного певца-тенора Николая Николаевича Озерова, блиставшего со сцены Большого театра в 20-х – 40-х годах. Последний раз я с ней встречался у неё дома в 1974 году. Она уже перенесла к тому времени инсульт и с затруднением говорила. Но ко мне по-прежнему была очень внимательной и, как всегда, участливой ко всем моим делам.

Храню в своём домашнем архиве два её письма в мой адрес, когда я служил в Ашхабаде. Запутавшись в своих семейных неурядицах и разводах, и нуждаясь при этом в поддержке, она единственная из всех друзей приняла участие в моих делах, подбадривая меня своим словом и выражая мне своё сочувствие. В 1980 году в возрасте 84 лет не стало её, русской аристократки, душевной красивейшей в молодости женщины, вдовы друга Шаляпина, Народного артиста РСФСР Озерова Н.Н. И матери не менее известных двух братьев. Пусть им всем земля будет пухом!

Предпоследний раз я встретился с Юрием Николаевичем в 1995 году на 70-летнем юбилее Эльвины. Он очень переживал распад СССР как российский патриот, и даже русский националист в хорошем смысле этого слова. Ругал всех тогдашних руководителей страны, доведших Россию до жалкого состояния. А вообще, после службы в армии и с обретением крова на своей родине в Москве мне лишь только удавалось переговорить по телефону с Озеровыми и в конечном итоге хоронить их обоих.

5 июня 1997 года хоронил Николая Николаевича. Он умер 2-го июня в возрасте 75 лет, находясь две недели в больнице. В последние годы, переживая свою принудительную отставку с поста спортивного комментатора и опалу, он очень болел и не слезал с коляски. Во Дворец спорта Лужников я приехал в половине 10-го, пробравшись через толпу торговцев толкучки. К этому времени собрались уже почти все родственники. Я поздоровался со всеми, выразил соболезнование вдове покойного Маргарите Петровне, положил к гробу Николая Николаевича

букет хризантем. В 11 часов началось отпевание, продолжавшееся до половины 12-го. От Эльвины потом узнал, что моими соседями по креслу, в которых мы ожидали начала службы, сидели вдовы актёров Яншина и певца Собинова.

После отпевания повалил народ. Море цветов, венков. В почётном карауле стояли: в прошлом популярный конферансье Брунов, артист Хазанов, Мэр Москвы Юрий Лужков, певец Соткилава и многие другие знаменитости. В 1 час дня начался митинг. Выступили: вице-мэр Москвы Шанцев, глава спортобщества «Спартак» Алёшина, в прошлом знаменитый футболист Симонян и многие другие. Ожидался приезд Юрия Никулина. Но его по каким-то причинам не было на похоронах.

Присутствовали также тренер Тихонов и главный кинематографист страны Досталь.

А также Юрий Николаевич Озеров с женой Дилярой. Раиса Александровна Сухомлина с сыном от Ю.Н.Озерова Володей и внуком Володей, который так же, как и его отец, работал в МГУ программистом.

В 2 часа дня большой колонной направились на Введенское кладбище. Дело в том, что вдове Николая Николаевича сначала было отказано в захоронении её мужа на Новодевичьем кладбище. А когда дело дошло до Президента РФ Б.Н.Ельцина, и тот дал добро на похороны Н.Н. на самом престижном в стране мемориале, то было уже поздно – родственники договорились с конторой Введенского (Немецкого) кладбища, где похоронены отец и мать Николая Николаевича. И им выделили другой участок, недалеко от центрального входа.

В 2 часа большой колонной направились на кладбище. Очень долго по набережной, вверх по Яузе добирались до места из-за многочисленных пробок, несмотря на солидное милицейское сопровождение с мигалками и громкоговорителями.

При выезде из Лужников народ провожал машины долгим взглядом, и многие из толпы крестили всю процессию.

На кладбище много говорили о покойном. Что в скором времени в Москве появится памятник Николаю Николаевича. Приводили один эпизод из жизни Н.Н., когда он как-то подвозил на своей машине В. М.Молотова, оказавшегося по каким-то причинам «безлошадным» и тот попросил дать ему автограф, «а то внуки не поверят, что я разговаривал с самим Озеровым».

В 5 вечера я с Эльвиной и Раей Сухомлиной покинул кладбище, ибо Юрий Николаевич попросил всех родственников не присутствовать на поминках. Исключение было сделано только близким, его сыну и моему племяннику Коле Озерову, от которого на следующий день узнал, что поминки проходили в какой-то столовой Олимпийского комитета в районе станции метро «Университет». Столы были накрыты на 300 человек, а присутствовало всего где-то 100. Невостребованная выпивка и закуска пошла в доход работников общепита.

А в октябре 2001 года хоронил Юрия Николаевича Озерова. Вот запись из моего дневника за 19 октября.

«Был на похоронах Юрия Николаевича. Приехал в ритуальный зал ЦКБ (ул. Тимошенко, 25) около 12 часов дня. Выразил соболезнование вдове Ю.Н. Диляре. Поздоровался с Маргаритой Петровной, с другими родственниками. Вскоре подъехали известные мне по фильмам артисты и режиссёры: Скобцева, её сын, режиссёр Фёдор Бондарчук, композитор Пахмутова, Режиссёры Эльдар Рязанов и Шахназаров, Поздоровался с Раей Сухомлиной, Володей и его женой Людмилой, с Колей Озеровым и детьми Николая Николаевича Озерова: Колей и Надей. Подъехал и Министр культуры Швыдкой. В общем, в ритуальном зале собралось где-то человек 70. Было много цветов и отдельно венок от Президента России Путина В.В. У гроба на подушечке лежали ордена и медали покойного. Много было сказано тёплых слов в адрес умершего всеми выступавшими.

После выступлений – отпевание минут 40 и посадка в машины и автобусы. Хоронили Юрия Николаевича рядом с братом в одной могиле на Введенском кладбище. Во время похорон с художником Мосфильма Александром Васильевичем Мягковым случился обморок. По мобильнику вызвали «скорую», которая на удивление быстро приехала и ему была оказана первая помощь. Ни оркестра, ни почётного караула не было. Да, и народа было не очень густо.

К 6 часам вечера все сидели уже в ресторане кинематографистов на Брестской улице. Рядом со мной сидела директор фильма «Освобождение» Канарейкина. Напротив – артист Урютин. Рядом с Канарейкиной сидела ещё одна очень интересная женщина, Валентина Васильевна Кузнецова, которой уже за 90 лет, и она очень хорошо помнила режиссёров Эйзенштейна, Пырьева и др. Мне с ней удалось даже немного побеседовать.»

А в январе 2003 года мне пришлось хоронить ещё одного представителя рода Озеровых, Владимира Владимировича Сухомлина младшего, - сына моего друга профессора Володи Сухомлина и внука Юрия Николаевича Озерова.

Трагическая смерть этого 24-летнего молодого перспективного учёного, программиста МГУ, потрясла тогда всю московскую общественность. Кому-то из своих коллег он перешёл дорогу, и те решили его проучить, обратившись за помощью к знакомым работникам милиции. 4 января эти милиционеры, их было трое, под предлогом проверки документов заманили его в свою машину, увезли в Солнцево и там недалеко от железнодорожной станции на морозе жестоко избили бейсбольными битами. Сцену расправы снимали на «Полароид», чтобы отчитаться перед заказчиками за полученные 1200 баксов. Оставили его без сознания на снегу и уехали. Через два дня всех милиционеров задержали, и в конце концов осудили на различные сроки. Заказчик так и не был выявлен.

Это убийство вызвало такой резонанс в Москве, что Мэр Москвы Юрий Лужков дал добро на похороны Володи на престижном Троекуровском

кладбище с почётным караулом и троекратным автоматным залпом. Хоронили как героя и невинно замученного за правду. Было очень много народа.

Впервые я увидел Володю летом 1981 года дома у мамы в Олимпийской деревне, когда я был в отпуске в Москве. Ему тогда было чуть больше 2-х годиков. Его отец Володя Сухомлин с женой Людмилой и дочерью Аней привезли его к нам. Это был очень подвижный и смыслённый мальчик. А потом встречались только на похоронах близких нам людей. Он вырос в красивого парня и незадолго до своей трагической кончины женился. Но череда трагедий у Сухомлиных на этом не закончилась. В сентябре 2005 года Володя Сухомлин на даче в Загорянке отмечал своё 60-летие и у него я уже последний раз видел его маму Раису Александровну. Несмотря на свои 82 года выглядела она прекрасно и по-женски оставалось привлекательной. Я был с женой, и мы тогда очень мило в компании с Женей Бейлиным, его женой Ирой, а также с женой Володи Людмилы и его сестрой Татьяной с мужем поговорили, вспомнив былое. На том вечере присутствовал и мой племянник Коля. Вспомнили наше общее житьё на Хользунова. А через два месяца узнаю о нелепой трагической смерти Раисы Александровны. В середине ноября 2005 года на 3-ей Фрунзенской улице она выгуливала свою собаку Чака. Вскоре повстречала подругу с немецкой овчаркой. Увлечлись беседой и не заметили, как собаки сцепились между собой. Раиса Александровна стала оттаскивать Чака и получила сильный укус в ногу выше колена. Кто укусил – загадка. Можно только предположить, что дворняга Чак, ибо он обладал очень агрессивным характером. Раиса Александровна сначала даже не обратила серьёзно внимание на этот укус и, попросившись с подругой, пошла домой. У самого подъезда дома ей стало плохо. Какой-то мужчина взялся ей помочь и вызвал «скорую». Но не догадался хоть как-то остановить сильное кровотечение из ноги женщины. К приезду «скорой» она уже умерла от большой кровопотери.

Вот так скончалась ещё одна Сухомлина с очень интересной судьбой, врач-рентгенолог по профессии, участница Великой Отечественной войны, дочь бывшего Командующего армией, знавшая многих интересных людей страны и, наконец, просто красивая умная женщина.

А вот ещё одна запись из моего дневника от 18 июля 1992 года об интересных встречах и знакомствах и тоже, связанных с похоронами. «Вчера был на кремации Марии Викторовны Боярской в Донском монастыре. Привезли гроб с телом М.В. из морга института Склифосовского и только по вышедшим из автобуса Коли и Эльвине понял, что приехал вовремя и к месту. Вдовца М.В. Александра Никитича я не узнал (видел его последний раз лет 30 назад). Зато сразу узнал крестника М.В., ведущего телепередачи на ТВ «До и после полуночи» Владимира Кирилловича Молчанова. Эльвина меня ему представила, в том числе и как коллекционера автографов. Он тут же полез за авторучкой, но я попросил его пока подождать, добавив, что мне и так приятно беседовать с такой знаменитостью, каковой является он. Ведь я

с этой фамилией знаком с детства и хорошо помню, как моя мама по нотам разучивала на нашем пианино клавир знаменитой в 50-х годах песни его отца, композитора Кирилла Молчанова «Вот солдаты идут».

Несмотря на то, что время с работниками крематория было оговорено, ждали очереди минут 50. За это время удалось побеседовать со многими друзьями М.В., в том числе и с Александром Никитичем. После того, как я ему напомнил о наших беседах на морскую тему (Александр Никитич в прошлом участник ВОВ, капитан 2-го ранга) у нас на Хользунова, он меня наконец узнал и заулыбался приятным воспоминаниям. Выглядел он в свои под 80 уже довольно дряхлым. Опирался на палочку, ибо

совсем недавно сломал ногу, и она была в гипсе и в галоше. Он часто плакал, руки его дрожали, и его искренне было жаль. После кончины М.В. к нему из провинции приехали дочь и внучка от первого брака. Хорошо, что теперь есть кому за ним ухаживать. Ведь от М.В. у него не было детей. Да, ещё вопрос – как будут ухаживать?

Я уже знал, что в Донском монастыре давно не кремируют, а всех покойников отвозят в Николо-Архангельский крематорий. В 1984 году я здесь же прощался с мамой и, судя по тому, что её прах мне выдали тоже здесь, можно предположить, что в то время крематорий ещё работал. Хотя, возможно, и ошибаюсь. Вообще же, весь Донской монастырь обязан сохранением всех своих могильных надгробий и склепов от вандалов и расхитителей своей трупосжигалке, которая работала в 30-е – 50-е года день и ночь. Когда в её ненасытное чрево нескончаемым потоком загружались тела «врагов народа». Отчего этот монастырь являлся закрытым от посторонних глаз объектом и тщательно охранялся государством. Совсем не так, как все остальные памятники старины.

Здесь же приводились в исполнение и многие расстрельные приговоры – ведь так было легче для чекистов, когда будущий, без пяти минут, мертвец сам идёт на своих ногах до места своего сожжения. Знаю, что здесь в 1938 году был расстрелян похищенный из Франции Председатель «Русского общевойскового союза» в эмиграции генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер.

В 1939 году «на Донском кладбище», как написано в документе из Центрального архива Министерства безопасности РФ, был приведён в исполнение расстрельный приговор фигуранту по делу «Польской организации войсковой», помощнику Инспектора РККА комбригу Флисовскому Станиславу Стефановичу, сослуживцу моего отца.

Здесь же 5 февраля 1940 года чекисты по надуманным обвинениям привели в исполнение смертный приговор и отцу подруги моей сестры, Зои Борисовны Финкельштейн, Финкельштейну Борису Анатольевичу, бригадному комиссару, зам директора издательства «Правды» и начальнику управления Государственного военного издательства. Точно известно, что именно здесь сожгли его тело.

Теперь на месте колодца, куда сбрасывали пепел всех сожжённых «врагов народа», мемориальная стела.

В Донском монастыре чудом сохранились фрагменты горельефа с Храма Христа Спасителя, снесённого в 1931 году по решению властей, и Триумфальной арки.

Очередь подошла и мы, пять мужиков, на тележке повезли гроб с телом М.В. к последнему рубежу крематория. Открыли крышку, и я увидел знакомое лицо красивой женщины, несмотря на её 75 лет, которое совсем не изменилось за 30 лет со дня нашей последней встречи, будто спавшей. Тут же нахлынули воспоминания из детства, наши встречи на Хользунова. Те же чёрные, как смоль, волосы, та же полуулыбка на устах, те же милые черты лица. Видел её когда-то выступавшей в зале Политехнического музея. Как она читала Чехова! Это было что-то! В нарядном ярком платье она на сцене была обворожительной. Поклонников её художественного чтения в зале было мало. Этот вид сценического искусства ни в то время, ни сегодня не популярен у людей. И, если б не школьные ученики Эльвины, которых сестра привела на выступление М.В., и нескольких знакомых, в зале почти никого бы не было из зрителей.

Прощание быстро закончилось. Гроб накрыли крышкой, поставили на постамент и вскоре опустили в подземелье. Все сели в автобус и поехали на поминки к Александру Никитичу, жившему в угловом доме №5 в перекрёстке улиц Садового кольца и Каретного ряда.

Моей соседкой по столу оказалась в прошлом известная певица Исаенкова Наталья Трофимовна, - дочь не менее известного в своё время циркового артиста, дрессировщика медведей ещё до Филатова, по фамилии Эклер. В 20-х годах этот Эклер из Франции привёз в советскую Россию из Франции свою жену-француженку, мать Натали. Естественно, что по прошествии определённого времени мать оказалась «немецкой шпионкой» (почему не французской?) и вместе с отцом была репрессирована. Но оба, как это ни странно, выжили. Отец Натали в 50-х годах продолжил свои выступления на арене цирка. О дальнейшей его судьбе мне ничего не известно.

А справа от меня сидел Костя Яницкий, в прошлом известный чтец. Мы с ним тоже нашли общий язык.

На поминках была и Марина Лобода, в прошлом чтица, выступавшая вместе с М.В.

После поминок мне сказали, что моими соседями за столом были и родственники бывшего Генсека КПСС Брежнева Л.И. Но о них я ничего сказать уже не могу, ибо не придавал тогда значения этим словам.

Александр Никитич рассказывал, как он познакомился с М.В. в 1945 году. Он тогда служил в Порт-Артуре, и к ним однажды приехали артисты. И ему, офицеру-моряку, приглянулась цыганской внешности М.В. Рассказывал, как они потом маялись в Москве в коммуналке у его мамы, а потом в комнате на Патриарших прудах.

Молчанов, когда узнал, что я подполковник запаса, неожиданно заинтересовался мной, стал расспрашивать о службе. Спросил о пенсии. Я ответил, что получаю в месяц 1082 рубля от государства. Он очень удивился, - ведь его мать, в прошлом актриса, получает пенсию в два раза большую. А, узнав, что я 16 лет прослужил в Средней Азии. Участвовал в двухмесячной командировке в Афганистан в 1986 году. С 1968 по 1972 годы служил в Чехословакии. Он тут же взял мои координаты, пообещав пригласить на свою передачу «Служили два товарища», про уволенных в запас и никому не нужных офицеров с их нищенской пенсией и проблемами с жильём. (Так он мне и не позвонил, и я очень был рад этому, потому что с детства боюсь телекамер и каких бы то ни было знаков внимания).

Мы так с ним тогда увлеклись разговором на кухне, что нас чуть ли не силой затащили в зал, где проходили поминки.

Тогда за столом я узнал, что М.В. по отцу происходила из знаменитого рода Аничковых. Видел её фамильный герб. Мать её была цыганкой, в прошлом хорошей певицей, отсюда и красивые южные черты её лица, и преемственность по артистической линии.

Где-то в 3 часа дня мы с Эльвиной и Колей поехали домой».

В своих воспоминаниях не могу не помянуть добрым словом нескольких жильцов общежития холостяков артистов театра Вахтангова в переулке Федотовой на Арбате. Этот деревянный клоповник, к сожалению, не дошёл до наших дней. Но сколько известных артистов помнили его стены! Моё знакомство с этой коммуналкой от Мельпомены состоялось благодаря моему двоюродному брату Александру Хлибкевич-Галевскому, вахтанговцу, заслуженному артисту России, который в 60-е – 70-е годы жил в ней.

В марте 1969 года, будучи в очередном отпуске в Москве, приехав домой из Чехословакии, где служил офицером, с твёрдым намерением создать семью, я вскоре женился на балерине Большого театра Макаровой Елене Борисовне, дочери известного в театральных кругах Москвы балетмейстера Бориса Исааковича Борисова и столь же доброй, как он, русской женщины Анны Фёдоровны. И какое-то время я посещал это общежитие на Арбате вместе со своей первой женой. В то время мой перевод в Москву, благодаря сохранившимся по отцу связям, не выглядел ещё столь фантастическим, как в будущем через несколько лет. Поэтому, благодаря своей самоуверенности по молодости лет, я надеялся на счастливый брак с Алёной.

Ещё одна дочь Борисовых, Лариса Дмитриева, в 60-х – 70-х годах являлась общепризнанной в театральных кругах лучшей исполнительницей роли Мерседес в балете «Дон Кихот» Минкуса на сцене Большого театра. Где требовался южный темперамент исполнительницы в сочетании с артистичностью и пластикой в танце. Лариса, как никто другой, подходила для этой роли, за что вошла в историю самого главного и самого старого театра страны. С ней и её мужем Алёшей я всегда находил общий язык, и мы всегда вчетвером в беседе очень хорошо проводили время за рюмкой вина или водки и под хорошую закуску. Благодаря моим новым родственникам,

впрочем, как и до женитьбы на Алёне, я всегда имел возможность посещать лучшие постановки Большого театра или Кремлёвского дворца съездов, работавших в то время, в основном, на иностранцев и за валюту, и на сценах которых блистательно выступали две сестры.

Но наша любовь не выдержала испытания временем и в 1972 году я с Алёной развёлся, очень сожалея при этом, что тем самым подвёл полюбившихся мне тестя и тещу за их наилучшее ко мне отношение. А также Ларису и Алёшу, к которым испытывал искренние симпатии. К тому же Лариса мне нравилась ещё как красивая и умная женщина, рядом с которой, вдыхая аромат её дорогих французских духов, чувствовал себя посвящённым во что-то прекрасное и таинственное.

Запомнился мне и шикарная квартира на 2-ом этаже в доме №25 по улице Горького, где Алёна с отцом и матерью жила в просторных 4-х комнатах. Благодаря Борисовым, я полюбил балет, Большой театр с его сказочными декорациями, представлениями и завораживающей музыкой. Горжусь, что благодаря родству с ними, хоть какое-то время был приобщён к театру, балету и, вообще, к искусству.

Возвращаясь к теме общежития в пер. Федотовой на Арбате, в котором жил мой двоюродный брат. Сначала один, а где-то с 70-го года вдвоём со своей женой Киной. А ещё и со своим отцом, моим любимым дядей Мишей, часто навещавшимся в Москву из Ростова-на-Дону, где он постоянно жил. Надо сказать, что я в каждый свой приезд в Москву в отпуск, затоварившись спиртным и закуской, спешил в этот богемный арбатский закуток. В котором жили в то время многие ставшие со временем знаменитыми актёры, и где я после года уничижительной армейщины чувствовал себя на равных с собеседниками, друзьями моего кузена, такими же, как и он, актёрами.

Так мне посчастливилось познакомиться с очаровательной Ниной Руслановой и её мужем Сахаровым, Сашей Павловым (до сих пор иногда встречаемся у Галевских), Ковалем, Юрием Витальевичем Волинцевым и др. Позже я познакомился с заместителем директора театра Пушкина, обаятельной Мирой Моисеевной Перель. По её приглашению посетил два интереснейших спектакля в её театре.

Где-то в конце 70-х годов Саша с Киной получили 3-хкомнатную благоустроенную квартиру на Большой Дорогомиловской улице. И все эти интересные встречи какое-то время продолжались у них по новому месту жительства.

Сегодня постоянными моими собеседниками в гостях у Галевских, кроме хозяев дома, являются Саша Павлов и Мира Перель.

Отец моего двоюродного брата, дядя Миша, 1911 г.р., является сыном моей бабушки Евгении Николаевны, урождённой Бороздиной, от её второго брака в 1909 году с будущим статским советником Хлибкевичем Александром Николаевичем, умершем в 1916 году в возрасте 49 лет. Первым мужем Евгении Николаевны и отцом моей мамы был Хрипунов Василий Георгиевич, войсковой старшина и окружной атаман Усть-Медведицкого

округа Области Войска Донского, расстрелянный большевиками в марте 1920 года под Новороссийском.

Фамилия Хлибкевич-Галевский закрепилась в паспорте за дядей Мишей в результате его сценической деятельности в 30-х – 50-х годах на подмостках Ростовской филармонии, на которых он славился исполнением танцев со своей женой Еленой Ивановной и различных ролей в спектаклях. Выйдя в середине 50-х годов на пенсию, он часто приезжал в Москву, оставляя на долгое время в Ростове свою вторую супругу Галину Макаровну, и жил то у нас, то у своей второй сестры, моей тёти Жени Калабиной, или у своего сына в общежитии вахтанговцев, о котором я уже писал. Хорошо помню, по своим нескольким приездам в Ростов, их комнатуху в коммуналке в Ростове по адресу: Московская, 69, кв. 2.

Со временем перебралась в Москву из Ростова на постоянное жительство, в результате обмена жилплощадей, и его первая жена, мать моего двоюродного брата Саши, Елена Ивановна Коваленко со своей больной матерью Лидией Васильевной, чтобы быть поближе к сыну, прочно обосновавшись в столичном театре Вахтангова. В результате нескольких обменов она в конечном итоге закрепилась в отдельной однокомнатной квартире в Москве на улице Фонвизина. Но уже без умершей к тому времени Лидии Васильевны, которая около 15 лет лежала без движения и рассудка с тяжёлой формой инсульта, да ещё к тому же с пенсией в 10 рублей в месяц, ибо никогда в своей жизни не работала. И, видимо, Бог увидел страдания Елены Ивановны и помог ей в её обустройстве в столице и с приближением к единственному сыну, в котором она души не чаяла до самой своей кончины в 2003 году в возрасте около 90 лет.

На всех наших совместных праздничных застольях дядя Миша всегда был в центре внимания всех собравшихся за столом, благодаря его уникальным способностям поддерживать беседу. С ним всегда было очень интересно и весело. Прекрасный пианист и исполнитель популярных в то время песен Булата Окуджавы, эмигранта Лещенко, Владимира Высоцкого, Вертинского и других бардов, песни которых он исполнял в своей неподражаемой манере, с душой на пианино, всегда вызывали восторг всех собравшихся. Любимец женщин, артист от Бога, способности которого не были реализованы в достаточной мере, о его таланте знало очень ограниченное число артистов. Всегда подтянутый, стройный, без грамма лишнего веса, со вкусом одевающийся на свою скромную пенсию в 70 рублей он никогда не впадал в уныние. Был всегда в прекрасном расположении духа. И по всеобщему признанию его поклонниц, он даже в свои 60 – 70 лет был похож на молодого, популярного в то время французского киноактёра Жана Марэ. О его любовных похождениях до самой его кончины в 1982 году ходили легенды. Мне он как-то рассказывал, как в 30-х годах несколько дней выступал вместе с другими артистами на сцене клуба в каком-то гарнизоне. И в него влюбилась молодая жена начальника гарнизона. Завязался роман, и однажды вечером он и его пассия сидели как-то на скамеечке парка,

переменяя милую беседу страстными поцелуями. Вдруг на аллее показалась фигура в гимнастёрке, в хромовых сапогах, с портупеей через плечо, с ромбиками на петлицах и с фуражкой на голове – обманутый муж. Подойдя к ним обоим, этот «комендор» от Наркомата обороны весьма лаконично и отрезвляюще изрёк: «Ну, ты, красноармейская б...ь, шагом марш домой!» Больше ни слова. Пассия покорно встала и неохотно поплелась за мужем к своим домашним, унылым супружеским обязанностям.

Рассказывал, как он и мой будущий тесть Борис Исаакович выступали в клубе перед чекистами в 30-х годах. Время было голодное, и они после выступления оказались перед богато накрытым столом, с выпивкой и закуской. Народу никого не было, и они стащили со стола варёную курицу и две бутылки коньяка. Долго потом боялись, что их заарестуют и пришьют какую-нибудь статью. Но всё обошлось.

Рассказывал, как вся их труппа, выступавшая на сцене в 30-х годах, неоднократно видела, как в середине спектакля в зрительный зал входили стройные ребята с военной выправкой. И во время представления всем было ясно, что после спектакля они не досчитаются кого-то из своих товарищей, неожиданно оказавшихся «врагами народа».

Выступая в Ростове у себя на сцене, дядя Миша покорял ростовчан своими уникальными способностями к перевоплощению, входить в образ создаваемого им на сцене персонажа. Будь то генерала, екатерининского вельможи или черкеса-абрека в какой-нибудь пьесе.

А как он танцевал с Еленой Ивановной! Публика при полном аншлаге часто после их выступления выносила на руках на большом ресторанном подносе Елену Ивановну, осыпая её цветами как королеву бала, и долго стоя приветствовала её и дядю Мишу долгой овацией. Многие банкеты, организуемые властями Ростова, не начинались без прихода этой всем известной пары, задерживающейся на торжество по каким-нибудь уважительным причинам.

Выйдя на пенсию в середине 50-х годов, дядя Миша до конца своих дней сохранял в душе оптимизм, чувство юмора и неиссякаемую жажду жизни, несмотря на многочисленные удары судьбы и неудачи на семейной ниве, - разводы со всеми своими жёнами, смерти близких людей, мизерную пенсию и т.д. Под косые подчас взгляды некоторых родственников и знакомых, ворчавших на него из-за его частых пьянок, хотя пьяным его никто и никогда не видел.

И если речь в нашей семье заходила о помощи, то ли в связи с пополнением в семействе, например, при рождении моего племянника Коли в 1958 году. Или в связи со смертью кого-нибудь из близких, и требовалась помощь по хозяйству, то дядя Миша оказывался тут как тут, останавливаясь в столице на долгие месяцы или даже годы и становясь при этом заботливой нянькой, неизменным помощником по всем хозяйским вопросам, выгульщиком наших собак и учителем танцев. Его невозможно было не любить. Особенно привязаны к нему были дети и животные. В том числе и наша шотландская

овчарка Джой, которому он уделял всегда много внимания, часто гуляя с ним в сквере Девичьего поля или вблизи дома уже после нашего переезда с Хользунова на Севастопольский проспект и где было много пустырей. После долгого отсутствия дяди Миша и появления его у нас дома с Джоем происходило что-то невероятное, какое-то буйное собачье помешательство от радости такой встречи. Он начинал выть и скулить, прыгать на грудь дяди Миши, лизать его в лицо. И долго не мог успокоиться от такой радостной встречи. Ведь теперь будет кому ходить с ним гулять и расчёсывать густую рыжую шерсть, освобождая её от ненужного пуха, шедшего у нас в доме на производство варежек и носков для носки их всеми домочадцами. У Джоя после того, как его сбила машина на Большой Пироговской улице, стала развиваться злокачественная опухоль, отчего он огрызался, показывая свои зубы и клыки, когда кто-нибудь ненароком задевал его больное место. Дядя Миша всегда его расчёсывал так аккуратно, что Джой не чувствовал никакой боли. Доверялся он ему и при купании его в ванне.

Дядя Миша и на даче у нас был прекрасным работником, помогая маме вести хозяйство после смерти отца.

Я никогда не видел его дома просто сидящим или лежащим на диване. Всегда он был либо с тряпкой в руках, либо со шваброй и при этом с неизменным бычком от сигареты во рту и с улыбкой на лице. Всегда он был чисто одетым и с неизменными острыми стрелками на брюках. К тому же он обладал большой эрудицией и жизненным опытом, и с ним всегда было приятно вести беседу на любые темы. Он мог поддержать любой разговор, будь то с генералами – друзьями отца или в кругу учёных или наших гостей из Литвы, занимавших в то время самые главные посты в руководстве этой республики. Многие из них до слёз смеялись над его шутками и каламбурами.

Два раза я гостил у него дома в Ростове-на-Дону. Первый раз с мамой и Эльвиной в очередной свой отпуск курсантом в 1965 году. Жил он тогда со своей второй женой Галиной Макаровной, прекрасной женщиной, замечательной хозяйкой. Имея физический недостаток от рождения, - она родилась однорукой, - Галина Макаровна так вела домашнее хозяйство, что любая в две руки не могла бы соревноваться с ней ни в стирке, ни в глажке, ни в уборке квартиры. К тому же она работала каждый день в ресторане поваром и успевала и там справляться со своими обязанностями. Когда я гостил у них дома, каждое утро я надевал чистые и отглаженные брюки. Просил её не делать этого, ибо и сам в состоянии выполнять эту чистую мужскую работу. Но она меня не слушала.

В первый свой приезд в Ростов меня познакомили с аспиранткой Ростовского госуниверситета Леной Королёвой, с которой я проводил хорошо время в плаваниях на прогулочном катере «Ракета» по Дону. С ней мы посетили Азов, Старочеркасскую станицу, Новочеркасск, Таганрог, купаясь в Дону и загорая на его пляжах. Долго потом переписывался с Леной.

Встретился с дядей Мишей я и в 1966 году, уже после окончания военного училища в августе-месяце, когда решил съездить на пару недель в Адлер по приглашению своего второго дяди, Игоря Константиновича Калабина, мужа сестры моей мамы, тёти Жени. Он в то время отдыхал с группой своих воспитанников от школы, в которой занимал должность заместителя директора. И по дороге назад в Москву я сделал остановку на несколько дней в Ростове у дяди Миши. Между ним и Галиной Макаровой уже пробежала чёрная кошка, хотя они и продолжали жить в одной комнате, в которой нашлось место и для меня. Дядя работал уже в то время, как он мне сказал, матросом на Аврале под Ростовом, в котором отдыхали по путёвкам ростовчане. На этом Аврале мне запомнились: лодочная станция, бассейн и варёные раки. А также одна семья, очень гостеприимно нас встретившая. В 1982 году дяди Миши не стало. Похоронили его на Ваганьковском кладбище рядом с могилой моей бабушки Евгении Николаевны и дяди Игоря. А в 2003 году там же похоронили и Елену Ивановну. Нет давно уже и Галины Макаровны.

Да упокоятся их души в Царстве небесном!

Жильцы дома №18 пер. Хользунова 30-х – 60-х годов, фамилии которых восстановлены мной по памяти, ибо домовая книга, как мне объяснили жэковские и милицейские чиновники, утеряна.

Главы семейств:

1 этаж

Полковник Арефьев,

генерал-майор Усенко,

Герой Советского Союза полковник Климов (дружил с его сыном Сашей),

полковник Моносов (дружил с его сыном Геной и дочерью Ритой).

2 этаж

Полковник Баграмян (будущий маршал),

генерал-майор Бармин (дружил с его сыном Сашей),

полковник Колесников (вернулся с фронта без ног),

генерал-майор Рябченко (дружил с его сыном Володей),

генерал-лейтенант Любарский (погиб на фронте, дружил с его сыном), контр-адмирал Сидоренко,

генерал-майор Нагиба,

генерал-майор Иванов.

3 этаж

Генерал Куцев,

зам. начальника академии им.Фрунзе генерал-лейтенант Шкодунович

(разбился на вертолёте в Югославии вместе с маршалом Бирюзовым в 1964 г),

генерал-лейтенант Ярчевский,
 полковник Глущенко,
 генерал Соколовский,
 генерал-майор Калашников,
 полковник Титялко,
 генерал-лейтенант Чернышёв,
 генерал-лейтенант Кособутский,
 генерал Данилевский,
 генерал-майор Кулешов (погиб в плену у немцев),
 начальник штаба ряда фронтов генерал-майор Стельмах (погиб под Ленинградом в 1942 г, помню его дочь Валю),
 полковник Цумарев (оказался в плену в 1941 г, был казнён по личному распоряжению Гимmlера за участие в подпольной антигитлеровской организации в концлагере Маутхаузене в 1944 г),
 майор Шор (дружил с его сыном Мишей, помню его брата Филю),
 генерал-лейтенант Корочкин (дружил одно время с его дочерью Леной),
 генерал-майор Грязнов (жили под нами),
 чей-то адъютант Доронин (дружил с его сыном Толей),
 полковник Сардаров (закончил службу генерал-полковником, дружил с его сыном Алеком, помню его брата Арминака), генерал-майор Черпаченко (его сын дипломат Лера был одно время женат на дочери генерал-майора Рябченко, Тане),
 генерал-майор Маркушевич (из Червонных казаков, сын Олег),
 генерал-майор Кукушкин (погиб на фронте, его сын Юра дружил с моим братом),
 полковник Титялко,
 Чумаковы,
 Ивочкины,
 испанские эмигранты Галан (дружил с Фермином)

4 этаж

Генерал-лейтенант Штромберг,
 генерал-майор Оганесян (погиб на фронте, помню его вдову Асю Сергеевну),
 генерал-лейтенант Благодартов (1-й комендант Вены в 1945 г),
 генерал-майор Кукушкин (погиб на фронте, помню его сыновей Володю и Юру, их мать Марту Игнатъевну и её второго гражданского мужа генерал-майора Ивана Игнатъевича),
 генерал-майор Аверкин (погиб на фронте в Крыму, помню вдову, нашу соседку, Елену Исаевну и её сына Володю или, как его официально назвали, Новомира), генерал-майор Малышкин (в плену сотрудничал с генерал-лейтенантом Власовым, за что в 1946 году вместе с ним и другими соратниками был повешен по приговору суда в Бутырке; после них в этой

квартире возле кухни жили Суязовы, - бабушка и внук Александр, с которым я дружил),
 комендант дома Ножкин,
 полковник Плотников (дважды Герой Советского Союза, с сыном Борисом дружил мой брат Феля),
 полковник Антонов,
 Смирнова Елена Гавриловна (жила с племянником, сотрудником КГБ Женей), генерал-майор Бейлин (дружил с его сыном Женей, знал его второго сына Вилли и дочь Нелю; их мать – Исфира Абрамовна),
 генерал-лейтенант Сухомлин (в годы ВОВ командующий армией, дружил с его внуком Володей и внучкой Таней; их мать – Раиса Александровна, бабушка – Софья Алексеевна, являвшаяся также сестрой Командующего армией в годы ВОВ генерал-лейтенанта Озерова, жившего какое-то время в квартире Аверкиных; у Сухомлиных жил одно время и директор НИИ стоматологии и протезирования полковник медицинской службы Анатолий Иванович Рыбаков), полковник Аверин,
 начальник академии Генштаба генерал Кучинский (жил до Сухомлина в их квартире, в 1937 году был арестован и расстрелян как враг народа),
 наша семья жила в квартире №410,
 семья полковника Лебедева (его дочь Лера дружила одно время с моим братом Фелей),
 семья погибшего на фронте подполковника Беценко,
 женщина с овчаркой Арнольд, Глафира Сергеевна,
 семья испанских эмигрантов Ангерольд Суитак (помню двух девочек Амайю и Марисоль)

5 этаж

Контр-адмирал Холодов (дружил с его дочерью Леной),
 генерал-майор Символоков (жена Таисия Филипповна),
 Кишкины (дружил с девочкой Наташей),
 генерал Вейкин (дочь Алла дружила с моей сестрой),
 Костина,
 генерал-лейтенант Готовцев,
 полковник Мещеряков (дружил с его детьми Виктором и Мариной),
 полковник Аксельрод (дружил с его сыном Эдиком),
 Панковы (дружил с дочерью Светой),
 Старичковы (дружил с дочерью Ирой),
 генерал-лейтенант Васильев

В доме №18 жила и семья генерал-майора Левандовича.

Дом №18в

Генерал армии Плиев, генерал-полковник Мордвинов, генерал-лейтенант Позняк, генерал-майор Грецов, полковник Массальский, Мазаевы, Вешняковы.

В каменном двухэтажном бараке двора жили.

Семья дворника Ванякина, семья электрика Чумакова, сантехника Печонкина

Неизвестны квартиры семей

Будущих маршалов: Говорова и Ротмистрова; генерал-лейтенанта Трухина; члена Военного совета МВО, генерал-лейтенанта Гапановича, тестя знаменитого шпиона Пеньковского; полковника Индека.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Г.К.Жуков «Воспоминания и размышления», раздел «В инспекции кавалерии».
2. ЦИАМ, ф.179, оп.62, дело 16672; ф.179, оп.63, дело 16604.
3. Ответ из МосгорБТИ, исх №1262/564 от 18.05.2002г.

5.01.2019 г

ПРИЛОЖЕНИЯ

Пользуясь правом автора статьи, помещаю здесь несколько записок и писем из моего домашнего архива как свидетельства давно ушедшей эпохи и своего рода памятники ушедшим из жизни вместе с ней людям.

Записка пленённого под Сталинградом фельдмаршала Паулюса, адресованная моему крёстному генерал-лейтенанту Кривенко М.С., когда он лично нёс ответственность за содержание под арестом фельдмаршала.

«29.08.1946

Москва

Многоуважаемый господин генерал!

Вы были так любезны мне передать папку для писем.

Позвольте вас благодарить за внимание.

С уважением к Вам. ФМ Паулюс»

«В редакцию газеты «Тiesa»,
тов. Фогелявичусу

Посылаю просимую Вами статью. Написал всё, что мог вспомнить. Если что-либо не подойдёт, вычеркните сами.

В статье упоминаются несколько фамилий. Я ничего не знаю об их дальнейшей судьбе. Вам это лучше известно. Поэтому отредактируйте по своему усмотрению.

Статью написал на русском языке в надежде, что Вы сможете организовать её перевод на литовский язык. Если статья будет помещена в газете, то прошу прислать мне экземпляр этой газеты.

При сём прилагаю документ, сохранившийся у меня с 1918 года. Если найдёте нужным, передайте этот документ в архив партии.

С приветом.

Генерал-майор Жемайтис

7.02.1948

Москва, Хользунов пер., дом 18, кв.410.

Тел.Г-6-20-35»

В этом письме речь идёт о статье, написанной отцом, о восстании в Шяуляе в начале 1919 года против немецких оккупантов, руководителем которого являлся он сам. Эта статья была опубликована в газете «Тiesa» («Правда») в 1957 году к 40-летию Октябрьской революции. Частично она была опубликована также мной в журнале «Вопросы истории» №4 за 2003 год.

Сохранились несколько писем моего брата Фели, который в 1956 году, после окончания средней школы решил связать свою судьбу с армией и поступил в Горьковское военное училище техников связи, располагавшееся на территории нижегородского кремля.

«Здравствуй, дорогая мама!

Сегодня получил твоё письмо. Денег в нём не оказалось. Ты лучше переведи 100 рублей на имя Эллы Владиславовны (родственница мужа тёти Жени Калабиной, прим авт.), а она мне их занесёт в училище.

Мы живём в палатках пятый день в колхозе. Работаем с 8 часов утра до 7 вечера. Времени свободного почти нет – всё время роем картошку. Вечером выпадает немного свободного времени, но в темноте уже письмо не напишешь. Пишу это письмо в послеобеденный перерыв. С работой я справляюсь не хуже других, но после нашей тяжеловесной физзарядки чувствую себя весь день разбитым. Приходится очень много бегать, и я быстро выдыхаюсь. Сейчас для меня это основная проблема. Втянусь я в общий насыщенный физическими упражнениями ритм или нет? Ещё есть время присмотреться.

Чувствую себя лучше на воздухе, но иногда мучают головные боли и всё то, на что я жаловался перед отъездом. Но в физическом отношении стал чувствовать себя бодрей.

В колхозе мы пробудем ещё около недели. Жить пока можно. Стоит хорошая погода. С ужасом думаю, что будет, если начнутся дожди. Сапоги у меня текут, а во время работы приходится ползать по грядкам на коленках. Палатка наша, где мы живём, превратилась в решето. Вообще, живём мы сейчас все, как солдаты в лагерях. Об этой жизни вам может рассказать Стасик (наш старший брат). Ещё паршиво, что кормят почти одной картошкой.

Сегодня мы все выполнили половину нормы, и появился шанс дней через пять вернуться в город. Тогда и начнётся отчисление человек 15-ти. Я вам из училища напишу обстоятельное письмо. Пока всё. Время моё истекает. Идём на работы. Целую всех. Феля.

14.09.1956г»

«Здравствуй, дорогая мама!

Получил на днях твоё письмо, но сразу не смог ответить. Я тебе звонил, и ты знаешь, для чего нас привезли из колхоза. За это время время, прошедшее с нашего с тобой телефонного разговора у нас отчислили 18 человек. Меня угроза отчисления миновала. Я уже зачислен в училище. Пока погожу ставить крест на военной службе. Попробую поучиться.

Нас остригли, послезавтра выдадут полную курсантскую форму. К нам вернулся весь наш сержантский состав, прошедший обучение. Теперь всех нас здорово муштруют. На физзарядке скоро будем бегать около трёх километров. Не знаю, как я пробегу такое расстояние. Во всяком случае, до Присяги можно уволиться из училища без последствий. В общем, приходится очень туго.

Завтра работаем последний день, а потом начнутся обычные хлопоты перед началом занятий.

Вот и все мои новости. Какая сейчас в Москве погода? У нас погода отвратительная: очень холодно, дует ветер и идёт снег с дождём.

Сегодня ездили грузить доски за город – насквозь промокли.

Напиши, как там Джой (наша собака, прим. авт.). Какие ещё есть новости?

У меня кончается время, заканчиваю письмо. Жду ответа.

Целую всех. Феликс.

26.09.1956 г.»

«Здравствуй, дорогая мама!

Два дня назад отправил письмо Эльвине, а сейчас решил написать тебе, т.к. выдалось свободное время. Дела у меня идут всё так же, новостей особых нет. Дня через три буду пересдавать физо и надеюсь, что пересдам. Сегодня у нас была лыжная прогулка на 15 км. Недавно пришёл с неё. Погода в Горьком стоит хорошая, тепло и от таянья снега мокро. Говорят, что с апреля у нас каждую неделю будут марш-броски. К тому же скоро начнём готовиться к 1 мая, и свободного времени будет ещё меньше. Жить с Пишмяковым стало тяжеловато. Гоняет он нас беспощадно. Но мы держимся все вместе и не поддаёмся унынию.

В Москве сейчас Евгения Владиславовна. Я тебя попрошу вот что сделать: вышли мне с ней рублей 400 и чтобы они были у неё на квартире. Сейчас Элле Владиславовне некогда получать деньги на почте, так что я буду брать деньги у них по мере надобности. В увольнение в город я пока не хожу, и они мне будут приносить деньги в училище по мере надобности. И ещё, вышли фотоаппарат с плёнками и проявителем – хочу тут пофотографировать. Если не удастся здесь проявить плёнки, сделаю это в Москве.

Вот и все мои новости. Времени нет. Надо заканчивать письмо.

Целую всех. Феликс.

31.03.1957 г.»

«Здравствуй, дорогая мама!

Извини, что долго не писал – не было времени. Доехал очень хорошо. В училище тоже всё было нормально. Пришлось сразу браться за учебу и вскоре я догнал ребят, и вышел даже было в отличники, но помешала одна четвёрка (по физо, прим.авт.). Учитывая то, что я 8 дней пропустил, и это неплохо.

Вчера у нас закончились трёхдневные учения. Я был в хозяйственном взводе при кухне. Работа не очень трудная, но всё время мела метель и было холодновато. Через три дня у нас начинаются каникулы. Постараюсь раза два сходить в театр, а также в кино. Кое-кого у нас отпустят домой, но только не меня.

Больше новостей нет. К тому же рука дрожит – вчера пришлось много поработать.

Целую всех. Феликс.

19.02.1958 г.»

«Здравствуй, дорогая мама!

Получил вчера твоё письмо. У меня всё в порядке. С учёбой тоже хорошо. Заниматься, правда, приходится много, не то, что на первом курсе. Но я пока довольно успешно справляюсь, троек нет. Начальство никаких претензий ко мне не имеет.

Да, наш командир взвода едет в Москву на соревнования по стрельбе. Я его попросил к вам или зайти или позвонить. Он вам расскажет, чем мы занимаемся и как у меня обстоят дела. Человек он неплохой.

Между прочим, пришёл приказ Министра обороны – уз училищ выпускать офицеров только со спортивными разрядами. Я думаю получить этот спортивный разряд по стрельбе.

Вы интересовались, как прошли для меня учения. Могу сказать, что неплохо по сравнению с другими. Пришлось, правда, помёрзнуть, не поспать несколько ночей, но другим было ещё тяжелее. Наш взвод в составе 4 человек был отмечен начальством училища как отлично справившегося с поставленной задачей.

Ты пишешь, что я вас не поздравил с 8 марта. Значит, письмо ещё не дошло. Спроси у тётки Жени, когда она получила моё письмо. Я отправил его в один день с вашим.

У Эллы Владиславовны всё в порядке. Деньги я ещё не получил, т.к ещё не заходил к ним. Получу сегодня или завтра. За деньги спасибо, они мне очень нужны на каникулы. Ходил два раза в театр, был в кино. Одним словом, немного отдохнул. Домой у нас отпустят на каникулы всего 5 человек, только отличников. Я же имею одну четвёрку, да и ездил недавно домой. В каникулы из училища было отчислено 10 человек с 1 курса за плохую успеваемость. Все они были отрекомендованы как дисциплинированные, но не способные курсанты. И за сон на посту у нас отчисляют. Один такой

случай у нас на первом курсе был. Правда, до отчисления дело не дошло – дали соне 10 суток ареста на гауптвахте. Потому что до этого он не имел взысканий по службе.

Я получаю письма от Фели Стёпина. Он опять решил поступать в наше училище. Что ж, пусть попробует ещё раз.

По самым последним данным, отпуск у меня будет в сентябре. Жаль, что не в августе. Я с удовольствием съездил бы к морю, чтобы по-настоящему отдохнуть.

Вот и все мои новости.

Целую. Феликс.

15.03.1958 г.»

«Здравствуй, дорогая мама!

Вчера сдал последний экзамен. И так, училище закончено. Теперь ещё надо подождать, когда придёт приказ о производстве в офицеры. Все экзамены я сдал отлично и закончил училище по первому разряду. Свою основную цель я выполнил. Получил и назначение. Как перворазряднику мне было предоставлено право выбора округа, а из штаба округа могут услатить куда угодно. В Германию мест не было. Было одно место в Польшу – я от него отказался. В Прибалтийском округе было место только в Ригу. Я туда тоже не захотел. Предлагали мне ехать в распоряжение управления ПВО в Москве. Уж очень там работа паршивая, да и заслатить оттуда могут на Камчатку. Наконец, мне предложили место в управлении ВВС в Москве, и я согласился. Это, кажется, то самое управление, что около нашего дома (на Большой Пироговской, прим. авт.). Предлагали ещё места – в Минск, в Одессу, в Хабаровск, в Ташкент, в Архангельск. Но я выбрал Москву и вот почему. У меня такая специальность, которая может найти применение только в крупном штабе, которые всегда располагаются в крупных городах. Конечно. Могут меня послать и командиром взвода в любую дыру, но я думаю. Что моей специальностью пренебрегать не будут. Специалистов нашего профиля не хватает в армии. Значит, есть возможность остаться в Москве при управлении на узле связи.

Есть ещё два возможных места – одно 15 минут езды с Белорусского вокзала, другое – 45 с того же вокзала. Это тоже, я думаю, неплохо. Конечно, могут заслатить ещё куда-нибудь. Вот всё, что я могу сказать о назначении.

Сейчас работаем. Сегодня поедem работать вторую ночь подряд на асфальтовый завод грузить битум из котлована в машины. Днём работать нельзя – битум расплавляется и становится как смола. Днём мы спим, а ночью работаем. Сколько ещё работать – неизвестно. Когда приеду домой, тоже не знаю. Ориентировочно в конце августа или в начале сентября. Никто ничего не знает. Одно единственное утешение, что экзамены позади. В город не пускают – карантин.

Вот и все мои новости. Звонил Элле Владиславовне. Она сказала, что дядя Миша в Москве. Очень бы хотелось его застать, когда приеду в отпуск. Передай ему привет. Напиши, что у нас нового.

Целую вас всех. Феликс.

6.08.1959г.»

Феля с детства рос болезненным в физическом отношении мальчиком. Много читал, хорошо учился, и среднюю школу закончил чуть не с серебряной медалью. Я был моложе его на 5 лет и постоянно досаждал его своими детскими задирками, нарушая тем самым его книжный покой. Наверное, поэтому во всех письмах маме он ни разу не упомянул моё имя. Нашего старшего брата Стаса упомянул, спросил даже, как поживает Джой. А вот обо мне ни слова. И я на него нисколько за это не в обиде, ибо отлично понимаю его с высоты уже столь солидного 63-летнего возраста, когда вспоминаю свою молодость с улыбкой на лице и большой долей сожаления за все шаловливые обиды, нанесённые своему среднему брату. Который, несмотря на такое к нему отношение терпеливо помогал мне в учёбе и выручал деньгами на покупку мороженого и других сладостей.

Отец был против его поступления в военное училище. К тому же сразу после окончания средней школы, ему было всего 17 лет и до призыва на срочную службу оставалось ещё целых 2 года. Достаточный срок, чтобы поступить в какой-нибудь институт с военной кафедрой.

После окончания военного училища Феля служил недалеко от дома, на Большой Пироговской в штабе ВВС. Сутки дежурил, трое находился дома. Получал неплохие по тем временам деньги, где-то около 1200 рублей. Но слабенький с детства к болезням его организм вскоре дал сбой. По жалобам на боли в боку ему в поликлинике ВВС на Б.Пироговской ул. назначили прогревание, и вскоре в районе спины у него вдруг возникла опухоль размером «с голову новорождённого ребёнка». Была проведена срочная операция в госпитале ВВС на 4-ой Лучевой просеке в Сокольниках, которая решить исход болезни уже не смогла. Когда я навещал его в хирургическом отделении, к ужасу своему видел, как, находясь в здравом уме, он с каждым днём угасал, и все его рёбра перед самой его кончиной можно было пересчитать пальцем даже через два солдатских одеяла. Через полтора месяца после операции, от саркомы позвоночника 20 ноября 1960 года Фели не стало. Хоронили его очень торжественно, на Новодевичьем кладбище в могиле отца. Сначала маме работники кладбища разрешили закапывать прах брата только через кремацию. Но после обращения за помощью к Председателю Совета Национальностей Верховного Совета СССР Палецкису, вопрос был решён положительно. В то время москвичи ещё с недоверием относились к сожжению трупов своих родных и близких и старались всеми путями обойти это нововведение.

В нашей семье ходили слухи, что развитие опухоли у Фели было спровоцировано ударом его о спортивного коня на занятиях по гимнастике в училище, о котором он сам как-то обмолвился. Что на самом деле послужило

причиной его болезни и внезапной кончины, знает только Всевышний. Я слышал, что молодой организм менее защищён перед этой онкологической болезнью, чем у пожилого человека.

Я уже писал, что при поступлении в Коломенское артиллерийское училище в 1963 году из-за слабого зрения (у меня оба глаза имели 0,3 диоптрии при обязательных 0,5) мне пришлось обратиться к другу отца генерал-полковнику Родимцеву А.И. И вот что он мне ответил.

«Здравствуй Гера!

Письмо твоё получил. Сегодня написал письмо генерал-майору артиллерии Андрею Алексеевичу Голикову и высылаю его тебе. Ты прочти его. Я думаю, содержание будет приемлемым.

О твоих глазах не упоминаю умышленно. Когда обнаружат, тогда он и примет решение.

Письмо отошли сам дней за 5 – 6 до твоего приезда. Если сейчас послать, он прочтает и забудет.

Ну, вот и всё.

Привет маме и Эльвине с сыном.

Буду в Москве – заеду.

С уважением к Вам А.Родимцев.

24.06.1963 г

«Уважаемый Андрей Алексеевич!

Ко мне обратился сын покойного генерал-майора Феликса Жемайтиса с просьбой дать ему совет, в какое военное училище поступить после окончания экзаменов на аттестат зрелости.

Я спросил, а Вы сами куда желаете? Он ответил – хорошо бы поступить в артиллерийское военное училище, хотелось бы стать артиллеристом-профессионалом.

Райвоенкомат дал согласие, чтобы направить его в Ваше училище.

Парень не избалован, физически здоровый, рост примерно 175 – 178 см.

Экзамены сдаёт с оценкой «хорошо» и «отлично». Думаю, он будет отличным курсантом.

Я ходатайствую о нём потому, что его отец честно служил нашей Родине.

Прошу принять его в училище.

С уважением к Вам.

Генерал-полковник А.Родимцев.

24.06.1963»

«Дорогая Евгения Васильевна!

Горячо поздравляем Вас с 48 годовщиной великого Октября. Желаем Вам, Гере, Эльвине много здоровья, личного счастья. Обнимаем и целуем Вас крепко.

Снечкусы: Антанас, Мира. Марита, Владас.
1965.11.05.»

А вот поздравительная открытка моей маме, написанная женой генерал-лейтенанта Собенникова, Екатериной Станиславовной.

«Дорогие Евгения Васильевна и Эльвина!

Поздравляю Вас с новым 1966 годом и от души желаю Вам и всем близким Вашему сердцу, счастья, здоровья и полного благополучия, исполнения всех Ваших желаний. Мира во всём мире!

Дорогая Евгения Васильевна, я была очень рада и благодарна за Ваше письмо. Правда, удивляюсь, как оно дошло. Ведь у нас уже другой адрес: Москва, А-167, Ленинградский проспект, дом №44. кв.90.

Я очень рада была узнать о Вас, ведь почти год я о Вас ничего не знала. Я встретила на днях Ярчевскую и она мне сказала, что Вы живёте с ней в одном доме. Я бы очень хотела Вас увидеть и поговорить с Вами обо всём. Я думаю, что всё же как-нибудь устроим встречу в Новом году. Столько всего накопилось за это время!

Будьте здоровы и благополучны. Крепко Вас обнимаю и целую. Эльвиночке и маленькому Коленьке привет.

Душевно и сердечно Ваша. Собенникова.»

Мой отец и П.П. Собенников в начале 30-х годов вместе служили в Инспекции кавалерии у Будённого, о чём написал Г.К. Жуков в своих знаменитых «Воспоминаниях и размышлениях».

«Дорогая Евгения Васильевна!

Поздравляю Вас и всю Вашу семью с прошедшими праздниками. Не успел поздравить раньше ввиду отъезда в Киев и Кишинёв. Вместе с Теней желаем Вам всем здоровья и всего наилучшего.

С уважением Ю.Палецкис.

Москва. Кремль.

1968.11.10.»

«Уважаемая Евгения Васильевна!

Сердечно поздравляю Вас с наступающим Новым годом. От души желаю успехов, счастья и радости.

М.Шумаускас.

Вильнюс.

28.12.1970»

«Жемайтис Е.В.

Коллектив школы им. Ф. Жемайтиса поздравляет Вас с Новым годом, и желаем крепкого здоровья, счастья.

Г.Шяуляй.
29.12.1977»

От родственников отца

«Наши дорогие москвичи!

Долго я не писала. Как Вы все живёте? Как Ваше здоровье?

Наступил Новый год и так хочется, чтобы он был лучше старого. Ещё перед Новым годом вся наша семья захворала. И сейчас то Линас, то Гедрюс болеют.

Я несколько дней работала и вот опять дома. Линас спокойно себя ведёт – можно и поспать, а вот Гедрюс беспокоит всех нас. Я после встречи Нового года 6 кг сбросила. Если так и дальше будет продолжаться, то совсем тоненькой стану.

Лаймис работает, как прежде. Ему повысили зарплату. Мне тоже немного добавили, но всё равно денег не хватает.

Недавно гостила у нас мама (сестра отца, прим.авт.) Были в гостях у дяди Юргиса (брат отца, прим.авт.). Вернулись уже ночью. Он так обрадовался, когда мы пришли к нему в гости!

Дядя Юргис с трудом ходит. Вспомнили юность. Жена дяди после 8 марта уехала в Клайпеду нянчить внуков. Наша мама чувствует себя хорошо.

Стасис (мой брат по отцу, прим.авт.) писал, что летом собирается с Кларой приехать к нам. Хорошо было бы, если б Вы приехали все вместе. Шяуляй очень изменился, похорошел.

23 февраля наша семья с мамой ходили к памятнику (отцу на центр.площади Шяуляя, установлен был в 1975 г., прим.авт.). Положили много цветов.

Школа им. Жемайтиса присматривает за памятником. Директор этой школы уже на пенсии, но всё ещё работает. У мамы укоренилось в сознании, что это могила её брата в Литве.

Такие новости у нас. Жду врача, чтобы осмотрел Линаса. Мне кажется, что от него заразился Гедрюс. Опять будем сидеть все дома.

Как сын Альгирдаса (имеется ввиду мой сын Янис, прим. авт.)? Растёт?

Бегает уже? Я ни разу не видела Альгирдаса, только на фотокарточках.

Хорошо было бы, если б Вы все приехали. Может быть, лето будет хорошим.

После Олимпиады ждём Вас всех.

Целуем Вас крепко.

Ангеля, Лаймис, Линас, Гедрюс. И большой привет просила передать наша мама.

1980.03.13.»

«Шяуляй, 18.11.1982

Уважаемая Евгения Васильевна!

30 ноября этого года коллектив нашей школы будет отмечать 85-летие со дня рождения генерала Феликса Жемайтиса.

От всего сердца поздравляем Вас с этой знаменательной датой. Желаем крепкого здоровья, долгих лет счастливой жизни над нашим мирным небом. Дорогая Евгения Васильевна! Если только позволяет Ваше здоровье, обязательно приезжайте к нам на наш праздник. Будете самым почётным и дорогим гостем. О своём решении, пожалуйста. Сообщите по адресу: лит.ССР, 235402, г.Шяуляй, ул.Бируте,40. Средняя школа им.Ф.Жемайтиса. Директору.»

 Письмо Юлии Васильевны Кривенко, вдовы генерал-лейтенанта Кривенко М.С., на моё имя.

«Здравствуй, дорогой Герочка!

Сердечно поздравляю тебя с праздником 1 Мая и днём Великой Победы! Искренне желаю тебе большого счастья, здоровья и благополучия во всех твоих делах. Очень была рада твоему письму.

Теперь напишу тебе о всех моих детях. Юра уже совсем взрослый, ему в этом году будет 43 года. Он работает капитаном малых судов при Облисполкоме. У них большая квартира, сыну 12 лет. Живут очень хорошо, жена у него врач.

Тане будет 41 год, у них две дочки. Одной 17, она заканчивает школу, а второй 8. У них 2-комнатная квартира, живут тоже неплохо. Ещё у меня есть сын Саша. Ему 29 лет, он капитан, работает зам. командира батальона, женился 2-й раз. Живёт у жены. От первой жены у него девочка 4,5 года. Я, Герочка, была слепая, в течение двух лет мне сделали на глазах 5 операций. Сначала делали их тут, а потом послали в Москву. С Эльвиной я не могла встретиться, т.к. болели глаза и было холодно, хотя она нас приглашала.

На Пасху ездили на могилу Михаила Спиридоновича. В этом году будет 36 лет, как его нет.

Герочка, Вы у нас гостили на даче (в начале 50-х годов под Свердловском, прим.авт.) возле озера Балтым и место так называется. Сейчас оно в черте города. Там было очень красиво, остались лишь воспоминания. Твой папа с Михаилом Спиридоновичем ездили на охоту, привозили много дичи, и мы с твоей мамой её жарили и ели потом её с брусничным вареньем – так любил твой папа. Я вас всех часто вспоминаю. Вы тогда были для нас самыми близкими, как родные. Герочка, будет желание, напиши, как устроился. Передай наши поздравления Эльвине и семье Коли. Привет и поздравления от всей моей многочисленной семьи и Василия Ивановича (Тимошенко, третьего супруга Ю.В., прим. авт.)

25.04.1990 г.»

В марте 2003 года на 79-ом году жизни не стало этой в прошлом очень красивой женщины, фронтовички, пережившей кончины двух своих супругов и сына Юры.

Да упокоится её душа со всеми её близкими с миром!

«Дорогая Эльвина!

Поздравляем Вас с Новым годом и желаем здоровья, успехов и мира. Мы сейчас живём, как на вулкане. Очень хочется быть самостоятельными и свободными. Посмотрим, что будет дальше. Цены повышаются на все продукты, а пенсии и зарплаты нет. С января 1991 года подорожает мясо, масло и т.д.

Мы с мужем оба пенсионеры, но работаем. Муж на всю ставку, а я имею уроки химии. Получаю только 48 рублей.

Сын только на 5 курсе мединститута. Ему учиться ещё год, а потом два года интернатуры (?). Мама жива (сестра отца, прим.авт.), отпраздновали её 88-летие.

Очень ждали летом Вас, жду и сейчас. У нас ещё можно хотя бы через очереди покупать продукты. А вот промышленные товары продают по спискам.

Как Ваше здоровье? Как живут близкие, Стасик, Гера?

Сняли дядю с постамента. Показывали весь процесс демонтажа по телевизору, и было очень тяжело это смотреть.

С наилучшими пожеланиями.

Тене.

1990.12.27.»

«Уважаемый Ольгерд Феликсович!

Я, Кукушкин Александр Владимирович, с большим удовольствием прочитал Ваши воспоминания «Девичка». Мои детские годы прошли, как Вы понимаете, в доме №18 по переулку Хользунова. Много, конечно, забылось: стёрлись из памяти имена некоторых товарищей по детским играм. Конечно же, Вас я визуально не помню из-за разницы возраста в 11 лет, но Вашего замечательного Джоя и шкуру серого волка, постеленную в гостиной, помню прекрасно.

В этом общежитии жили не только мои дедушка и бабушка по отцовской линии: генерал-майор танковых войск Александр Васильевич Кукушкин и его жена Марта (Марфа) Игнатъевна Кукушкина (д.ф. Гордеева) и их дети: Владимир (мой отец) и Юрий (мой дядя), а также семья моей мамы. Сразу уточню: овдовевшая Марта Игнатъевна создала семью с Иваном Игнатъевичем Михалькевичем, генерал-майором инженерно-танковой службы (1895 – 1989). Одно время они жили в пер. Хользунова, но потом переехали в «генеральский дом на Соколе» с сохранением комнаты в

общежитии на Хользунова за Мартой Игнатьевной. В связи с этим я помню, что жили мы уже не на четвёртом этаже, а на втором.

В этом же общежитии жил одно время отец моей мамы Николай Муромцев. Мама не жила в новой семье генерал-лейтенанта артиллерии Гуковского Емельяна Исаевича, который с моей бабушкой Полиной (Пелагеей) Гавриловной, моей мамой Натальей Николаевной и его сыновьями от предыдущего брака Георгием и Евгением, примерно, до 1938 года тоже жили на Хользунова.

Кукушкины и Гуковские дружили между собой (в меру своего понимания дружбы), взрослые устраивали застолья, дети то дрались, то мирились. У Емельяна Исаевича тоже была дача на «Трудовой».

И дот, который находился рядом с платформой станции, я прекрасно помню. Дружил со многими детьми (ведь и зиму и лето мы проводили в одних и тех же местах). Например, я дружил с мальчиком по имени Ваня Нагиба (вам помнится

только «женщина Нагиба», а это была целая семья: отец, мать, сын и нянюшка). И дача у них была тоже на «Трудовой».

Конечно же, в первый класс я пошёл в 39-ю школу (сейчас это СОШ 40). До сих пор испытываю чувство глубокого разочарования – я так мечтал о форменной гимнастёрке, ремне с пряжкой и фуражке. Я так хотел быть похожим на папу и дядю! Но именно в тот злосчастный 1962 год была введена новая школьная форма: пиджак и брюки.

Словом, Вы мне подарили прекрасные воспоминания о людях, которых я знал. Знал даже в более сознательном возрасте: Старичковых, Шоров, Смирнову Елену Гавриловну и её племянника Женю, семью Беценко (сын Беценко Валерий дружил с моим отцом, а его сестра Жанна и моя мама долгое время жили на одной лестничной площадке с нами), семью Кулешовых, Мазаевых (у них дача тоже была на «Трудовой»; сейчас у неё только один хозяин – Александр Дамирович Вятич-Бережных, сын довольно известного советского режиссёра Д. Вятича-Бережныха). Все они для меня вполне реальные люди.

Прекрасно помню семью Сухомлиных. Их правнук Александр Котнов и моя дочь Марина не только посещали одну группу в детском саду, но и с первого по выпускной годы учились в одном классе. Правда, не шибко дружили, но и не враждовали.

И семейство Оганесянов не ограничивается одним только генерал-майором Н.А. Оганесяном: моя мама и я были очень дружны с прекрасной семьёй Рэма Николаевича Оганесяна – его женой Соней (Сагадять Якубовной и их дочками: Эллей и Аллой).

На Хользунове мы жили на одном этаже, а с 1964 года наши квартиры располагались на одной лестничной площадке в «Новом доме».

И Лебедевых помню (их внучка – это вообще что-то незабываемое).

Если Вы сочтёте нужным вновь вернуться к теме «Люди из дома на Хользунове», расширить её, то я могу быть Вам полезен.

Очень жаль, что Вы не очень любите привлекать к себе внимание. Я веду несколько программ на радио, и мы могли бы сделать не одну тематическую передачу с Вашим участием.

С благодарностью за ожившие в памяти воспоминания
Александр В. Кукушкин.

7.04.2010 г».

«Уважаемый Александр Владимирович!

С большим интересом прочёл Ваше подробное письмо о жильцах дома №18, тем более зная, что оно от самого внука Марты Игнатьевны, с семьёй которой дружили мои родители. Теперь мне многое стало понятно, многие имена жильцов всплыли в моей памяти.

Смутно помню Вашего отца. По-моему, он в молодом возрасте ушёл из жизни.

Как-то из окна нашего дома я увидел, как во дворе незнакомые мальчишки копошатся возле мотоцикла Володи. Я тут же сообщил ему об этом и Володя тут же помчался во двор спасать свой транспорт. Помню и Вашу маму.

А Ваш дядя Юра был другом моего покойного брата Фели. Помню его в суворовской форме, сохранилось несколько фотографий, на которых он снят с моим братом и мамой. Я всегда завидовал ему и мечтал так же, как и он, стать военным.

Как поживает он вместе с супругой Светой? Как сложилась судьба Марты Игнатьевны и Ивана Игнатьевича? Они после переселения жильцов дома №18 в 1964 году часто приезжали к нам на Севастопольский проспект, где жили моя мама с сестрой и с моим племянником. А до расселения я как-то был у них в гостях в доме №75, что возле станции метро «Сокол». Иван Игнатьевич мне тогда дал бинокль, и я осматривал с ним окрестности этого генеральского дома.

Уверен, что мы можем быть полезны друг другу, ибо оба храним фотографии дома и его жильцов и обладаем уникальным материалом о людях, которые на довольно высоких должностях непосредственно участвовали в ВОВ.

Пишите, звоните.

Ваш Жемайтис

9.04.2010 г.»

«Уважаемый Ольгерд Феликсович!

Не мог Вам ответить сразу.

Конечно же, детские воспоминания не всегда точны. Мы с моей мамой Натальей Николаевной Кукушкиной до расселения дома жили на 4-ом этаже в комнате 413. Теперь понятно, почему меня занесло однажды в Вашу квартиру – просто мы были соседями по этажу. В комнате 412 жили Матвеевы: бабушка, её дочь и её внучка Марина. Марина старше меня года на 2 и мы с ней дружили. Семья генерал-майора Гуковского Емельяна Исаевича проживала в доме с 1936 по 1939 годы. Потом им была предоставлена квартира на Новинском бульваре. По воспоминаниям моей мамы в детстве Вас звали «Гера». Как говорит мама, обликом и статью Вы – в отца.

Из семейства Оганесянов очень колоритной фигурой была Ася Сергеевна (совершенно её не помню). Почему-то моей маме запомнилась фамилия Терезанов. Он был репрессирован, и это событие потрясло жильцов всего дома. Также мама вспомнила фамилии: Гастилович, Боголюбовы, Малицкие (Малицких помню, дружил с их внучкой). Была ещё семья Ярчевских, которые устроили в доме первую ёлку в ночь с 1936 на 1937 годы. В их квартире на праздник не только взрослые, но и дети. Для детей был устроен маскарад. Моя мама – ей в то время было всего 4 годика – нарядили зайчиком. Вероятно, был устроен спектакль, зайчика определили сидеть под ёлкой, на ёлочке горели свечи, и одна горящая свеча упала на спину моей маме и спинка у неё загорелась. Но мама не испугалась. Она думала, что так и должно быть. Огонь моментально потушили, и праздник продолжился. К сожалению, я совершенно не в курсе, как сложилась судьба моего дяди Юры. Знаю только, что его давно нет в живых.

После развода между мамой и папой Марта Игнатьевна повела себя достаточно жёстко по отношению к моей маме, и это свело моё общение с бабушкой до минимума. Последний раз я видел Марту Игнатьевну в 1975 году на Соколе. Я несколько раз предпринимал попытки «пробить» Марту Игнатьевну по телефонным базам, но безрезультатно. Думаю, что она ушла из жизни до 1989 года. Этот вывод основан на том обстоятельстве, что в базах сохранилось воспоминание об Иване Игнатьевиче, а он скончался в 1989 году.

Давайте сделаем передачу о доме №18. Он не настолько засекречен, чтобы о нём нельзя было упоминать. Несколько лет назад ему была посвящена статья в газете «Московский комсомолец».

С уважением Александр Кукушкин.

21.04.2010 г.»